

ВОССТАНОВЛЕНИЕ УВАЖЕНИЯ К ПРАВОСУДИЮ

Симпозиум

(Извлечение)

Мартин Райт

(Продовження. Поч. див.: № 1–2/2005)

СЕССИЯ 3

ИНСПЕКТОР СЛУЖБЫ ПРОБАЦИИ

Позвольте мне начать с цитаты из руководства для службы пробации, написанного полвека тому назад, где говорилось, что задача пробации состоит в том, чтобы помочь людям учиться на своих ошибках и извлекать уроки из собственных поступков, помочь им научиться уважать себя и почувствовать ответственность за благополучие других людей, но что ничего из этого не станет возможным без «великого и фундаментального фактора, любви, — можете как угодно назвать это чувство теплоты и силы привязанности и дружеского расположения ... которое уже само по себе привносит смысл в жизнь любого человека» (Гловер, 1949). Тот же автор приводит пример подхода к пробации, существовавшего в то время:

Тереза была своенравной шестнадцатилетней девушкой, которую выгнали из дома мачеха, после чего ее выгоняли из нескольких общежитий за плохое поведение. Ее инспектор по вопросам пробации нашел для нее жилье, и какое-то время все шло неплохо, но однажды Тереза украла часы у своего работодателя, съехала с квартиры и жила несколько дней у подруги, которая затем выдала ее полиции, потому что Тереза украла у нее перчатки и заложила в ломбард. Инспектор службы пробации одолжил ей деньги, чтобы возместить нанесенный ею ущерб, и предложил ей написать письмо-извинение в адрес квартирной хозяйки, в связи с тем, что она съехала без предупреждения. Квартирная хозяйка приняла извинения, Тереза стала выплачивать долг инспектору частями, еженедельно, и мировой суд принял решение, что, учитывая ее усилия, которые она предприняла, чтобы исправить ситуацию, никаких санкций против нее далее не предпринимать (Гловер, 1949: 263-5).

Это очень сильно отличается от сегодняшних разговоров о «наказании в сообществе» и «оценке риска». (После того, как вы послушали доклад Психолога, вы можете думать, что упор на наказание может реально увеличивать риск, но это уже другой вопрос).

Когда служба пробации начала функционировать, ее вдохновляли идеалы реабилитации, но их всегда затмевала идея наказания, и в последнюю четверть века идеи пробации подвергались нападкам скептиков. Некоторые из них говорили, что это было несправедливо по отношению к преступникам, потому что их заставляли подвергаться «обработке», которая часто была «неэффективна», в то время как другие говорили, что имела место чрезмерная снисходительность и попустительство, обвиняя службу пробации в сговоре с преступниками, потому что она находит оправдания их поведению и списывает все на их воспитание или на социальное положение. В последнее время идеалы реабилитации подвергались критике из-за того, что преступникам позволяли игнорировать последствия их действий и не давали возможности компенсировать ущерб (или не требовали от них этого).

Позвольте мне начать с описания традиционной идеи реабилитации, а также трех основных критических аргументов в ее адрес, включая обесценивание многих ценностей, которые считались важными в 1990-х. Я хочу рассмотреть некоторые неправильные представления, бытующие в общественном мнении, в отношении политики применения наказаний, о которой уже говорилось в докладе Политика. Затем, рассматривая будущее пробации, я попытаюсь доказать, что пробация действительно эффективна и предложу способ развития службы в двадцать первом веке, в плане работы с преступниками, жертвами и обществами.

ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ ПРОБАЦИИ: РЕАБИЛИТАЦИЯ

Служба пробации развилась на основе миссии полицейского суда, созданной на основе церкви и существовавшей в конце девятнадцатого века. Служба пробации всегда относилась к преступникам, как к лю-

дям, попавшим в складні обставини, людям, які заслуговують того, щоб їм дали ще один шанс. Завжди велися спори нарахунок того, являються ли причиною їх поведінки психологічні дефекти характеру (я говорю про злочинців, хоча іноді інспектори служби пробачення задають ці питання і в свій адрес!). Потрібно ли «працювати» з злочинцями, і реагували ли вони на несправедливість суспільства, від яких ми всі повинні були звільнятися?

Коли я використовую слово «реабілітація», я маю на увазі будь-які заходи, які призначені для того, щоб переконати людей більш повноцінно використовувати своє життя (і дати їм таку можливість), замість того, щоб карати їх. Пробачення працює, будучи заснованою на припущенні про те, що багато злочинців почали життя в дуже складних соціальних і сімейних умовах, що привело їх до злочинів. Тому вони потребують допомоги або роботи з ними, якщо вони хочуть в майбутньому не потрапити в неприємні історії. Існує багато прикладів успіху, наприклад той, з якого я почав свій розповідь. У всіх них роль інспекторів служби пробачення дуже велика. Головною «девизом» служби був такий: «радити, допомагати і дружити».

Однак результати досліджень не завжди дозволяють розділити оптимізм інспекторів служби пробачення. В одному такому дослідженні виявилось, що в тих випадках, коли у злочинців існували проблеми і коли вони раніше не совершали тяжких злочинів, допомога інспекторів служби пробачення допомогла вдвоє зменшити частоту повторного совершення злочинів, але результати були значно гірше, якщо ті ж самі методи застосовувалися до людей з кримінальним складом характеру, але без серйозних проблем в житті (Фолкард і др., 1976: 20-21). Звичайно, складно знати, які результати будуть отримані з урахуванням особистості злочинця і обставин, і які з них будуть викликані зусиллями інших людей. Тем не менше, дуже чітко видно, що багато злочинців дійсно мають серйозні емоційні проблеми в минулому і стикалися з безробіттям і бідністю. Ось один з багатьох прикладів:

Дослідження, проведене серед 1389 осіб на пробаченні, в віці 17, 20 і 23 років, показало, що дві третини юних правопорушників мають недієвий дохід менше 40 фунтів в тиждень (в 1991 р.), а становище ще 37 відсотків ускладнюється тим, що їм потрібно ще виплачувати штрафи (Сміт і Стюарт, 1997). Деякі були позбавлені багато чого з дитинства, так як їх батьки теж сиділи в тюрмі, таким чином, у них були проблеми і труднощі пережити поспадку. У тридцяти відсотках ув'язнених були неповнолітні діти, які проживали у них в час їх ув'язнення (Додд і Хантер, 1992: 17).

Це підтверджує Головний інспектор тюрми в огляді роботи з юними злочинцями (МВД, Головний Інспектор, 1997: гл. 3), за результатами якого встановлено, що дуже багато з цих молодих людей в минулому зверталися за допомогою до соціальних служб (більше половини з тих, кому не виповнило 18) (курсив — в оригіналі). Державний Служащий надасть більш детальну інформацію. Це не означає, що невигідне соціальне становище «служить причиною» правопорушень, якщо б все обставилося так, 100% молодих людей, позбавлених яких-небудь благ стали б злочинцями. Це також не є виправданням для правопорушників. Тем не менше, цей аспект включає в себе потужну комбінацію факторів тиску, яким кожному людині дуже важко протистояти. Як відзначають Сміт і Стюарт, вивчаючи біографії цих молодих людей, «починаєш чітко усвідомлювати, що біди і нещастя в них просто розбилися одна на другу, причому, якщо ще можна собі уявити, як молодий чоловік може впоратися з кожним з таких катастроф окремо, все разом він подолати явно не в стані» (1997: 103).

Одна з проблем полягає в відсутності чітких уявлень про цілі і завдання вироку: суди не завжди розуміють, що саме вони намагаються зробити — покарати або реабілітувати, і іноді суди намагаються переконати себе в тому, що вони можуть зробити і те і інше одночасно. Дійсно, люди можуть отримати певну користь з перебування в тюрмі, наприклад, якщо вони потраплять до числа щасливчиків, які проходять курс навчання або лікування, але зазвичай все це відбувається незважаючи на режим тюрми, а не завдяки йому. Робочий тиждень в тюрмах по-прежнему зазвичай не перевищує 25 годин. Існує велика плутанина в стосунку до того, якими повинні бути цілі: наприклад, один з органів МВД рекомендував ув'язнення як засіб боротьби з бродяжництвом, і пояснив далі, наскільки корисним для них може бути ув'язнення (МВД, 1974: параграф 40, 41).

В іншому випадку, молода мати, шлюб якої був на межі розпаду, і яка жила в дуже стиснутих обставинах, в відчаї вирішила на грабунку. Її засудили до 18 місяців ув'язнення, а після апеляції скоротили «з милосердя» цей термін до одного року. Тем не менше, вирок не був відсрочений або замінен іншим покаранням без позбавлення свободи, тому що суд вважав, що

«Миссис Л. по-прежнему нуждается в дисциплине и обучении» (*The Times / Daily Telegraph / Guardian*, 19 января 1978). Судья, предположительно, верил, что все это ей будет обеспечено в тюрьме. Даже если бы это было так, сложно сказать, каким образом, по его мнению, расставание с семьей и друзьями, которые ей могли бы помочь, могло бы пойти на пользу ее детям или облегчить жизнь ей самой. По прошествии двадцати лет эти юридические противоречия по-прежнему присутствовали: родители, которые забили досками дверь и окна комнаты грязной комнатухи, где они держали свою младшую дочь, вынуждая ее существовать в ужасающих условиях, были приговорены к тюремному заключению, на срок всего-навсего шесть месяцев. Судья сказал им: «вы интеллектуально ограниченные люди и вы нужны вашим другим детям» (о других детях они заботились хорошо) (*Guardian*, 11 сентября 1998). Приговор на срок шесть месяцев означает в настоящее время три месяца заключения без обязательного надзора после выходы из тюрьмы: как раз достаточно, чтобы расстроить тех, других детей и категорически недостаточно для того, чтобы чему-либо научить родителей в отношении их обязанностей.

В том, что касается тюремного заключения, аргументы «против» приводились так часто, что я не стану повторять их здесь, вот только общественность, похоже, не понимает их значения. Список обвинений длинный: например, говорят, что тюрьмы — «школы преступности», которые сводят вместе людей, имеющих очень мало общего, за исключением того факта, что все они нарушили закон; эти люди создают тюремную субкультуру, насаждающую ценности, противоположные тем, которые должна поддерживать карательная система. Тюрьма лишает человека квалификации и навыков, после нее требуются дополнительные усилия для того, чтобы реабилитировать их от вреда, нанесенного во имя государства. (Один опытный преступник сказал мне, что заключенные не занимаются тем, что планируют будущие преступления, все их время уходит на то, чтобы постараться облегчить себе жизнь в тюрьме. Но это все равно нехорошо: они не думают о том, чтобы как-то компенсировать нанесенный их жертвам ущерб или о том, как им вести законопослушную жизнь, а ведь именно в этом должны заключаться главные задачи). Правительство, избранное в Британии в мае 1997 года, пообещало справиться с проблемой исключения людей из общества, но продолжало преследовать политику карательных мер, а значит — добивалось того, что сотни людей каждый месяц исключались из общественной жизни самым решительным образом, причем количество исключенных таким образом людей достигло рекордных цифр. Статистику приведет Государственный Служащий.

Некоторые политики, в особенности, консервативные популисты, такие как Майкл Ховард, министр внутренних дел в правительстве Консерваторов, хотят, чтобы сроки заключения были и более длительными, и более суровыми. (Например, в октябре 1998 года Майкл Ховард провел одну ночь в довольно приличной одиночной камере в Брикстонской тюрьме, чтобы собрать деньги на благотворительность, причем его соседями были другие высокопоставленные лица. Тем не менее, пребывание там не изменило его взглядов, хотя он признал, что это не было опытом реального пребывания в тюрьме: *Guardian*, *Independent*, 3 октября 1998). Реально, ситуация такова, что чем дольше человек находится в заключении, тем менее суровыми должны быть условия заключения, как по гуманистическим соображениям, так и из-за необходимости поддержания порядка в тюрьмах. Если вам особо нечего терять, вы можете позволить себе быть бунтарем. Люди, выходящие из тюрьмы, нуждаются в дополнительной помощи и заботе, им нужно помочь снова встать на ноги, а для этого нужно использовать официальные и добровольные ресурсы, которые могли бы быть задействованы для профилактики преступности. Семьи заключенных также страдают: в Англии было решено, что существует необходимость в учреждении специальной благотворительной организации *Aftermath* («Последствия»), «для помощи другим жертвам — семьям преступников, совершивших тяжкие преступления». Также было создано несколько групп для оказания помощи женам заключенных. Все эти программы испытывают постоянную нехватку ресурсов. Политики имеют привычку превозносить и восхвалять важность семейных ценностей. Однако тюремное заключение насильственно разрушает тысячи семей, во многих случаях — навсегда. Чем чаще люди попадают в тюрьму и чем моложе они, когда их лишают свободы, тем выше вероятность повторного совершения преступления, но тюремное заключение продолжает оставаться официальной политикой. На самом деле, просто нужны другие меры.

Реабилитация или лечение?

Когда-то, если упоминался термин «реабилитация», под ним подразумевалось лечение, терапия, как если бы правонарушители были «неадаптируемыми», «социопатическими» личностями или имели какую-либо патологию иного характера. Если их поведение не было их виной, значит, было бы неправильно наказывать их за это: им следовало помогать или «лечить». У меня есть две книги с одинаковым названием «Преступление наказания». В них обеих пишется, что правонарушителям просто нужно помочь, чтобы дать им возможность выживать, на нарушая закон. Первая книга была опубликована в 1931 году,

ее автор — Маргарет Уилсон, жена Начальника управления тюрем Англии. Она почувствовала, что просо обязана написать эту книгу, потому что вдруг ярко осознала всю несправедливость и явную неэффективность системы наказаний. Она является одним из немногих авторов, которые осознали основной аморальный урок, который дает наказание:

*Но самое грустное в отношении наказания — это тот факт, что, без сомнения, оно иногда удерживает взрослых людей от совершения преступлений — и каждый раз оно ... в некоторой степени извращает их. После того, как человек вышел из младенческого возраста, наказание может сдерживать его поступки только за счет разрушения моральных стандартов. Говорит нормальному, обычному ребенку, которому исполнилось хотя бы десять лет: «Если ты будешь воровать, тебя посадят в тюрьму», значит разрушать саму его мораль. Потому что однажды он скажет: «Но меня могут и не поймать» ... Если вы позволяете ребенку думать о всей той боли, которая будет ему причинена, **вместо того, чтобы думать о боли, которую причинит он сам**, вы наставите его на путь преступления (выделение жирным шрифтом — в оригинале) (Уилсон, 1931: 261 — 262).*

Посыл, который несет в себе наказание, таков: «Если тебя поймают, тебе будет плохо». Но подумайте: ведь это явно не то, что мы хотели бы сказать людям. В обществе, где людям говорят, что они должны заботиться друг о друге, посыл должен быть такой: «Кому-то станет плохо от ваших действий, вне зависимости от того, поймают тебя или нет». Пример, который подают люди, несущие наказание, антиобщественен: людям говорят о том, что можно применить превосходящую силу для того, чтобы не дать кому-то сделать нечто нежелательное.

После глубокого изучения информации о жестокостях физических наказаний, применяемых к заключенным при перевозке и в заключении, г-жа Уилсон ставит смелый и «неудобный» вопрос:

Спросите их [юристов], не будет ли для христианских судов распятие — изображение невинного человека на кресте — более удачным символом ... осуществления правосудия, чем богиня с завязанными глазами и весами в руке. А может быть, еще более удачной эмблемой будет Понтий Пилат, умывающий руки, в попытке снять с себя ответственность? (с. 271).

Фигура правосудия, потрясающая мечом означает (если она вообще что-то значит), «что хотя Англия разоружила своих граждан, она не разоружила свой закон» (с. 152 той же работы). Г-жа Уилсон могла бы добавить, что только благодаря случайности в пенологической истории символом христианства стал крест, а не, скажем, веревочная петля. Далее Уилсон продолжает живописать боль и нищету, к которой финансовые спекулянты привели многих, слишком многих трудящихся людей, которые «будут все ближе приближаться к голоду и несчастьям, потому что лондонские джентльмены делают рискованные финансовые операции». Она высмеивает идею, в соответствии с которой люди не будут совершать преступления из-за перспективы «какого-то дурацкого наказания дискомфортом тюремной жизни в течение нескольких лет», говоря, что упор следует делать на чудовищность их поступков и на их воздействии на других людей. С другой стороны, мы должны понимать, что менее привилегированные правонарушители просто могут быть не в том положении, чтобы выбирать между добродетелью и злом — в отличие от тех, кому повезло больше.

Она призывает к реформам, в дополнение к мерам социальной профилактики и уменьшению количества тюрем до минимума, которые позволят отойти от «языческой концепции правосудия, на которой основаны наши примитивные законы». Если бы она писала свою работу сегодня, она, вероятно, поставила бы под сомнение моральность введения рыночной экономики в странах, в которых ранее была полная занятость, без запланированных мер по предотвращению роста безработицы, который открывает дорогу торговле наркотиками, проституции и организованной преступности (а именно это и произошло во многих странах). В то время как экономические принципы диктуют, что экономика должна базироваться на рыночных силах, социальные принципы (и уважение к людям) говорят нам, что необходимо найти — причем также срочно — способ предотвращения этих последствий, которые можно заранее предвидеть.

Что касается попыток устрашения и сдерживания других людей, Маргарет Уилсон подытоживает несправедливость такого подхода словами судьи, который, как говорят, заявил человеку, которого приговорил к смерти: «Вас повесят не за то, что вы украли лошадь. Вас повесят, чтобы другие не крали лошадей» (с. 260). Тем не менее, устрашение неэффективно. Госпожа Уилсон не цитирует источник приведенного ей примера, но я не могу удержаться от цитаты:

Когда Банк Англии впервые выпустил казначейские билеты, наказанием за их подделку служила смерть

ная казнь... Однажды, в Лондоне повесили человека, который желал поддельные деньги, и вскоре после того, как его тело перевезли к нему в дом, полиция обнаружила, что его жена и родственники продолжают подделывать деньги, причем они были так увлечены своим занятием, что, когда их предупредили о том, что полиция вот-вот войдет в дом, они в спешке затолкали новенькие банкноты в рот трупа, чтобы спрятать их (с. 280).

Вторая книга с таким же названием написана американским психиатром Карлом Меннингером, она увидела свет в 1968 году. Он также приводит множество примеров «несправедливости правосудия», в особенности, по отношению к тем преступникам, которые плохо адаптированы в обществе и которые хотят стать «хоть кем-то»: *«Подозреваю, что все преступления, совершенные всеми преступниками, находящимися в заключении, в своей совокупности не равны по социальному ущербу преступлениям, совершенным против них»* (с. 28, курсив авторский). Он далек от того, чтобы воспринимать психиатрию с полным восторгом и без критики, но полагает, что в большинстве случаев, если бы меры были предприняты вовремя, обучение, медикаментозное лечение, консультации специалистов и специальная подготовка могли бы обеспечить успех в «мотивировании или стимуляции или зарождении в человеке с трудной судьбой надежды, желания и намерения изменить его методы обращения с реалиями жизни» (с. 257 его работы). Вместо того, чтобы приглашать психиатров в судебный зал заседаний, чтобы они спорили о вменяемости или невменяемости заключенных, а, следовательно, о применении наказания или лечения, автор советует им встречаться за пределами судебных помещений с тем, чтобы обсуждать наилучшие пути реабилитации. Доктор Меннингер призывает к применению «терапевтического отношения» (стр. 260), которое, в сочетании с его предложениями о предотвращении преступности (с. 268-274), можно назвать проблемно-ориентированным подходом, хотя на деле этот подход ориентирован на лечение. О людях, ведущих себя провокационно, даже опасно, нужно заботиться и не давать им нанести вред себе или окружающим, а для этого «нужна любовь, а не ненависть» (с. 260). Он также рекомендует применение реституции, но упоминает об этом лишь мимоходом (с. 251).

В чисто реабилитационном подходе, если такое может быть, утверждалось бы, что молодой человек с особыми потребностями нуждается в заботе и лечении (как в повседневном смысле, так и в терапевтическом), вне зависимости от того, украл ли он что-то из магазина или избил кого-то. Такая позиция применяется в Англии и Уэльсе в отношении детей до десяти лет (до восьми лет в Шотландии и Северной Ирландии). Эта возрастная грань несколько выше в большинстве европейских стран: 13 во Франции, 14 в Австрии, Германии, Италии и нескольких восточноевропейских странах, 15 в Скандинавии, 16 в Испании, Португалии и Польше, и 18 в Бельгии и Люксембурге. Предположение, лежащее в основе такой позиции, заключается в том, что дети (а в некоторых странах считается, что и подростки) способны к обучению, и что к ним, по возможности, нужно применять неформальный подход. Это называют «семейной моделью» (Гриффитс, 1970), а его главная задача заключается в том, чтобы попытаться обучить и просветить молодого человека и сделать так, чтобы он оставался членом сообщества.

Что не так с реабилитацией?

Существуют три аргумента против этого подхода. Первый говорит, что он несправедлив к правонарушителям, второй — что он слишком попустительствует им, а третий — что он игнорирует жертву.

Реабилитация, как несправедливый подход

В 1970-х годах, в поддержку первого аргумента приводился целый ряд доводов. Отмечалось, что многие преступники вовсе не страдали от какого-либо расстройства, а реагировали рационально, хотя и незаконно, на сложившиеся обстоятельства. Было бы несправедливо приговаривать людей к принудительному лечению на неопределенный срок, вне зависимости от степени серьезности их преступления. Выражались также сомнения в эффективности их лечения. К 1970-м годам стала модной унылая формулировка «Ничего не помогает».

Если преступники не «больные люди», более уместно было бы попытаться реабилитировать их при помощи «убеждения и активизации». Если мы считаем, что общество должно применять силу в как можно меньшей мере, мы должны полагаться на то, что сможем убедить людей повиноваться закону, поднимая их самоуважение и давая им возможность быть законопослушными гражданами. Было бы правильным позволить людям иметь как можно большую степень свободы, и в любом случае их невозможно принудить пойти дальше определенной черты. Это, естественно, означает, что нам нужно попытаться построить общество, в котором у всех на самом деле есть возможности и в котором законопослушное поведение действительно поощряется. Пока же, нам приходится что-то пытаться делать с тем, что мы имеем в сегодняшнем, далеко не совершенном обществе. Я не пытаюсь сказать, что «все это — вина общества», но методы, которые мы ис-

пользуем, должны подводить нас ближе к этому идеалу, а не уводит от него все дальше и дальше.

Когда «модель контроля преступности» комбинируется с методами реабилитации, результатом становится несправедливость, не абстрактного, а совершенно конкретного плана. Во-первых, поскольку мероприятия по реабилитации основаны на потребностях преступника, а не на его действиях или преступных намерениях, они могут привести к слишком значительному или чересчур несущественному вмешательству государства в его жизнь, совершенно несоизмерно тому, что человек сделал. Они могут быть слишком значительными, потому что у преступника огромные потребности, но преступление его вовсе не было тяжким, а могут быть чрезмерными, потому что потребностей мало, а преступление нанесло серьезный ущерб. «Терапия в сообществе», в применении к несовершеннолетним, к примеру, является гибким и несколько неопределенным термином. Тут могут подразумеваться исправительные школы, которые порой имеют не менее жесткий режим, чем тюрьмы, но, поскольку считается, что это чисто воспитательные организации, инспекции в них редки, и нарушение стандартов обучения и даже физическое и сексуальное насилие над юными воспитанниками могут оставаться незамеченными в течение многих лет.

Во-вторых, в 1960-х годах, люди начали задавать вопрос: а эффективно ли вообще когда-либо такое принуждение? Медицинская, терапевтическая политика имела бесконечно благие намерения, но (после слов «благие намерения» обычно идет частица «но», как это ни печально) она имела некоторые неисправимые погрешности. Считалось, что лечение может осуществляться в карательных организациях, при этом полностью игнорировался тот факт, что тюрьмам присущи различные вредные влияния и физическое насилие. Цензура писем заключенных, отсутствие независимой инспекции и процедур подачи жалоб, а также обычное нежелание тюремных властей разрешать проведение в тюрьмах каких-либо исследований, надежно скрывали тюремные реалии от посторонних глаз, за исключением тех случаев, когда случались бунты заключенных или когда после освобождения заключенным не удавалось помешать выпускать в свет мемуары. Логика такого лечения говорила, что заключенные должны оставаться в тюрьме «пока не вылечатся», а это, конечно же, несправедливо, если лечение не дает результатов, и даже если результаты есть — все-таки существуют серьезные сомнения в справедливости такого подхода. Эффект такого подхода в некоторых штатах в Америке был очень жестким — иногда приговоры были совершенно неопределенными и указывали сроки от 1 до 99 лет, в некоторых случаях, он ощущался в этой стране после введения условно-досрочного освобождения и условного осуждения в 1968 году, и еще раньше — в отношении несовершеннолетних преступников, которые иногда направлялись в утвержденные властями спецшколы или местные приюты до достижения ими восемнадцати лет.

Несправедливость некоторых программ реабилитации еще больше усугубилась, поскольку официальные власти считали, что реабилитация состоялась, если заключенный ведет себя образцово, и кто-либо, сопротивляющийся режиму, объявлялся неисправимым (фильм «Кто-то пролетел над гнездом кукушки» был о психиатрических клиниках, а не о тюрьмах, но тема там освещалась та же.) Некоторые противники реабилитации зашли так далеко, что заявили, что ей вообще не место в приговорах суда: единственным критерием должно быть наказание, которое должно быть пропорционально нарушению закона, совершенному каждым конкретным человеком. Люди, идеи которых основываются на защите прав преступников, считают, что такие наказания будут, в целом, символическими, и полагают, что, таким образом, тюремное заключение может быть достаточно коротким.

Реабилитация, как «слишком мягкая мера»

Такую идею поддерживают те, кто находится на «жестком» краю спектра, люди, которые полагали, что пробация вообще слишком мягкая мера наказания. В соответствии с их утверждениями, пробация побуждает преступника перекладывать вину на всех и вся, не обвиняя только одного человека — самого себя. Поскольку упор делается на порочность и испорченность преступника, а вовсе не на его неправильное воспитание и отсутствие должных условий, по мнению этих людей имеет смысл назначать такие наказания, которые были бы соразмерны испорченности и злу, которое заложено в преступниках — проблема, как они полагают, в том, что даже если удвоить или утроить предлагаемые либералами сроки заключения, они все равно были бы адекватны и соразмерны причиненному злу.

Новая реакция против терапевтического подхода возникла в 1990-х годах. В такой атмосфере любые объяснения считались отговорками, дошло до того, что (в октябре 1995) отменили требование, в соответствии с которым инспекторы службы пробации должны были иметь диплом о высшем образовании, оно было заменено требованием к прохождению стажировки на рабочем месте и дипломом курсов изучения проблем пробации. Государство полагало, что службе следует привлекать в свои ряды побольше бывших солдат и поменьше женщин (Шофилд, 1997; *Harvard Journal*, 1996: 176-7). Тогдашний премьер-министр Великобритании Джон Мэйджор призвал к «немного меньшему пониманию и к немного большему порицанию», а в 1997 году, министр внутренних дел от лейбористской партии Джек Стро,

решил озглавить свой официальный отчет о преступности «Хватит отговорок». Законопроект о преступности и беспорядках, который последовал за этим, дает судам множество полномочий предписывать юным преступникам и их родителям различные действия (посредством обязательных инструкций для родителей, правил безопасности детей — т. е. контроля и надзора — приказов, локального комендантского часа для детей, приказов в отношении репарации, приказов о планах действий, а также приказов о задержании и специальном обучении), хотя, если говорить по справедливости, там предполагалось и оказание им определенной помощи. Если институт пробации собирался выжить, ему нужно было быть «жестким» и даже «карательным».

СМИ бурно критиковали решение суда, в соответствии с которым некоего подростка, за 7000 фунтов стерлингов отправили на 88 дней на сафари в Африку, в 1993 году — об этом упоминалось в докладе Политика. Это было сделано для того, чтобы вырвать его из привычной обстановки, чтобы он смог обдумать свои действия. Социальная служба Глочестершира отстояла свое решение, хотя и подросток в будущем продолжал нарушать закон. Позднее, они отправили еще одного тринадцатилетнего мальчика с трудной судьбой на месяц, в путешествие по каналам, вместе с еще тремя мальчиками, чтобы не дать ему бежать и скрыться в ожидании суда (*Evening Standard*, 3 октября; *Guardian*, 4 октября 1996). Такие идеи не были чисто британской выдумкой: в г. Дармштадт, Германия, 13-летний подросток из неполной семьи совершил около 150 преступлений (включая повреждение имущества, кражи, вооруженные ограбления, драки и сексуальные домогательства). Он сбегал из исправительных заведений и не реагировал на методы групповой терапии. Хотя до возраста уголовной ответственности (14 лет) в соответствии с законодательством Германии ему не хватало всего двух месяцев, по достижению которого его могли посадить в тюрьму после следующего совершенного им преступления, было решено отправить его на «пребывание за границей с интенсивным индивидуальным обучением и уходом». Его послали в Аргентину, в сопровождении социального работника. Стоимость поездки составила 70 000 немецких марок (примерно 24 000 фунтов стерлингов по текущему курсу), но если бы его поместили под надзор на срок более 150 дней по цене 470 марок в сутки, это стоило бы еще дороже (*Badische Zeitung*, 30 июня 1998; я выражаю благодарность Майклу Килчлингу за то, что он обратил мое внимание на данный факт).

«Вы занимаетесь только преступниками, забывая об их жертвах»

Третий критический аргумент против реабилитации заключается в том, что, как и наказание, она направлена на преступника и игнорирует жертву, которая обычно мало чем заслужила все то, что с ней произошло в результате преступления. Если говорить более конкретно, и тот и другой подход заключается в том, что «что-то делается» с правонарушителем, вместо того, чтобы позволить ему самому сделать что-то позитивное для компенсации нанесенного им вреда. Это касается как собственно судебного процесса, так и результатов преступления. Слишком часто ответчик является пассивным наблюдателем на собственном судебном процессе. В зале суда, в Британии, ответчик не имеет права общаться с адвокатом, часто скамья подсудимых находится в конце зала, так что подсудимый с трудом может расслышать, что происходит (как указано в отчете Лиги Ховарда «На скамье подсудимых ничего не известно» (1976)). В то же время, если потерпевшего не приглашают в качестве свидетеля, ему могут вообще не сообщить, что проходит судебное заседание, хотя в этом отношении ситуация несколько улучшается. Об этом нам расскажет Сотрудник службы поддержки жертв.

Поэтому я полагаю, что нам нужно признать, что в реабилитационном подходе есть даже не недостатки, а огромные пробелы. Не то, чтобы он «не работал», но ведь существует множество способов побудить людей вести себя лучше, в особенности — молодых людей, и я полагаю, что нам нужно действовать, отталкиваясь от предположения, что мы можем лучше овладеть этими способами. Я больше расскажу об этом, чуть позже. Серьезный пробел заключается в том, что подход базируется на *потребностях* преступника, и игнорирует его действия и их последствия для жертв и для общества.

Нам нужно продемонстрировать, что мы понимаем разницу (на которую указывалось в выступлении Политика), между объяснением поведения и попустительством ему: если человек обделен сам, это не оправдывает его действий, вследствие которых он обделяет кого-то еще или наносит вред другим людям. Нам нужно работать с преступным поведением, противостоять ему за счет того, что мы заставляем преступника думать о другой стороне — о его жертве. Если потерпевший хочет это сделать самостоятельно, это можно устроить за счет медиации для жертвы и преступника.

Демонстрируя заботу о жертвах, мы сможем ответить на давние упреки со стороны потерпевших, в отношении того, что система в целом и инспекторы службы пробации в частности фокусируются на правонарушителе и игнорируют жертву. Действительно, односторонний эффект наказания заключается, как я уже говорил, в том, что некоторые наблюдатели чувствуют симпатию к «жертве» наказания. От нас, инспекторов службы пробации, в настоящее время требуется принимать во внимание потребности жертвы —

я говорю о жертве преступления. Национальные Стандарты требуют, чтобы в отчетах, предшествующих вынесению приговора, мы оценивали «последствия преступления, включая воздействие на его жертву», а также «отношение преступника к жертве и к преступлению, а также понимание им последствий содеянного... взятие на себя ответственности или отказ от нее, раскаяние или вину, а также выражение им желания компенсировать ущерб» (МВД и др., 1995: 9-10). Здесь в какой-то мере признается точка зрения жертв, но они могут не чувствовать, что их выслушали и услышали, потому что мы не проводим с ними собеседований (это увеличило бы объем нашей работы практически в два раза) — информацию мы получаем из материалов уголовного дела. Чего здесь не происходит — это диалог между жертвой и преступником, они не могут увидеть друг друга в образе живых людей, а не стереотипных ролей, хотя в какой-то мере над этим сейчас проводится работа, в плане того, что преступника информируют о последствиях его действий для потерпевшего, а также о его личности. Пока основная философия остается карательной, существует опасность, что мыслительные процессы судьи, выносящего приговор, могут пойти следующим путем:

- вынесение соответствующего приговора в соответствии со стандартной «тарифной сеткой»;
- прочтение отчета о последствиях преступления для жертвы;
- принятие решения о необходимости более жесткого наказания.

Если бы более жесткое наказание имело какую-то ценность, никто бы не возражал, однако для жертвы никакой пользы в этом нет (за исключением тех случаев, когда более жесткое наказание содержит в себе элемент выплаты материальной компенсации). Для преступника все только ухудшается, а после того как он попадает в тюрьму, страдают и все находящиеся там заключенные, потому что тюрьма еще больше переполняется. Это ничего не дает для понимания преступником последствий его поступка для жертвы, в общечеловеческом понимании, следовательно, не способствует каким-либо переменам в его поведении.

Мне кажется, что это приведет к четырем основным тенденциям для службы пробации; а в целом ряде мест это уже происходит. Первые две тенденции я уже описал: перед вынесением приговора, составляются отчеты в отношении последствий для жертвы, а при работе с преступником, ему говорят о последствиях его действий для потерпевшего и дают узнать его с чисто человеческой стороны. В-третьих, некоторые сотрудники службы пробации будут продолжать сотрудничать со службой пробации на уровне руководства. В-четвертых, будет расширяться спектр работы, как с жертвами, так и с преступниками (я надеюсь, что Сотрудник службы поддержки жертв расскажет об этом) перед освобождением преступника из заключения. Служба пробации должна понимать и заставлять понять всех прочих, что забота о потребностях жертвы не обязательно означает жесткий подход к преступникам, и наоборот. В том, что касается этих четырех тенденций, а в особенности, последней из них, службе пробации необходимо избавиться от образа организации, которая «поддерживает преступников». Инспекторы службы пробации занимают как раз подходящую должность для того, чтобы помочь установить традицию проведения медиаций для жертв и преступников. Мы обычно говорим о воздействии преступлений на потерпевших, но нам следует помнить, что во многих преступлениях жертвой является магазин, организация или сообщество. Но, опять-таки, магазинами владеют отдельные люди, а жертвой вооруженного ограбления становится кассир, а не банк.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Теперь я хочу сказать кое-что об общественном мнении, поскольку некоторые политики и СМИ использовали его в оправдание все более интенсивного применения такой меры наказания как лишение свободы. Суды, похоже, поверили в то, что такие заявления отражают общественное мнение, и всерьез приняли требования к судам, в соответствии с которыми они должны делать то, чего, по-видимому, требует общественность — а ведь эти два утверждения очень спорные. Даже политики признают теперь, что иногда тюремное заключение является чрезмерной санкцией, но взамен они требуют ужесточения условий пробации. Но ведь это — шаг в сторону от идеалов, в соответствии с которыми преступников надо было бы вдохновлять и подталкивать к тому, чтобы они вырабатывали внутренний самоконтроль, это шаг в направлении внешнего, авторитарного контроля, он ничего хорошего не дает жертвам (за исключением тех потерпевших, которые жаждут возмездия), хотя утверждения такого рода считаются «выступлениями в защиту жертв преступлений».

Мы все знаем, что общественное мнение быстро меняется, и что его картина, представленная в обзорах, зависит во многом от поставленных вопросов: какой вопрос, такой и ответ. На одном краю этого спектра, журналы и таблоиды просят читателей ответить на вопросы, которые четко указывают в направлении какого-то одного, обычно карательного подхода. Вопросы ставятся, например, такие: «Поддерживаете ли

вы идею введения более жестких мер наказания для преступников?» Читатели какого-то одного издания не являются репрезентативной выборкой населения, и те из них, кто отвечает на вопросы анкет, еще менее репрезентативны. На другом конце этого спектра находятся организации, вызывающие большее уважение ввиду того, что они проводят опросы среди действительно большой и представительной группы населения, но даже их вопросы не являются нейтральными и непредубежденными. Они задают «хитрые» вопросы или спрашивают о тюрьме, не оставляя в поле ответов никаких других вариантов, однако они должны понимать, что «чем больше информации дается людям, тем более разнообразными и вдумчивыми становятся их ответы», а также, что «когда людей спрашивают, что на самом деле эффективно в борьбе с преступностью, они обычно предлагают социальные меры» (Стерн, 1998: 315, 316). Недавний Британский обзор преступности (Хаф и Робертс, 1998) показал, что многие люди переоценивают долю насильственных преступлений и недооценивают количество людей, которые попадают в тюрьму за такие преступления. Обзор удачно продемонстрировал, что отношение многих людей базируется на неверных представлениях. Но далее, в обзоре спрашивается (с. 18): «В целом, как вы считаете, являются ли приговоры суды излишне суровыми, примерно адекватными или слишком мягкими?» Четыре из пяти респондентов отвечают: «Слишком мягкими». Этот вопрос прочно замкнут на образ мышления, в соответствии с которым «жесткость» и «мягкотелость» — единственные критерии, которыми измеряется адекватность приговора. Это еще один пример использования языка «мачо» в «войне против преступности», при чем полностью отвергается такой вариант, как подход, ориентированный на примирение: в него входит реабилитационная философия, которая базируется на том основном принципе, что приговоры (или, по крайней мере, некоторые приговоры) должны давать преступнику возможность избежать повторения преступлений в будущем, плюс восстановительная философия, в которой санкции основаны на том, что преступник несет ответственность за нанесенный вред и старается его компенсировать.

Далее, в обзоре спрашивалось, считают ли респонденты, что жесткие или мягкие наказания (о которых многие из них имели неправильную информацию) оказывают воздействие на то, что они считают ростом преступности или ее сокращением. Очень многие из них, таким образом, дали ответы, основанные на одном или двух неопределенных или неверно определенных параметрах. (Там действительно приводится классификация ответов с разделением на ответы тех, кто все понял неправильно и тех, кто отвечал, основываясь на правильном понимании, но цитировать-то станут все равно общую цифру). Кроме того, хотя этот вопрос, правда, позволяет людям, что приговор не имеет воздействия на рост преступности или что воздействие его невелико, сама постановка вопроса явно намекает на то, что приговор может серьезно воздействовать на статистику преступности (а ведь, по мнению криминологов, такое утверждение, как минимум, спорно). Как говорится в отчете, в примечании, напечатанном очень мелким шрифтом, «Среди ученых, изучающих эффект приговоров, существует общее мнение, что воздействие изменения жесткости приговора на общий уровень преступности очень невелико» (Хаф и Робертс, 1998: 32). Как минимум, какая-то часть общества понимает это, поскольку только один из пяти респондентов заявил, что более жесткие наказания эффективны для профилактики преступности. Государственный Служащий приведет соответствующую статистику.

Однако идея того, что приговоры должны быть нацелены на что-то иное, например, на реабилитацию правонарушителей или на компенсацию ущерба потерпевшему или сообществу, изучена недостаточно. Большинству респондентов предлагали ряд вариантов, который включал и компенсацию и общественные работы, но эти варианты терялись в общей парадигме анкеты, построенной по принципу «жесткость-мягкость». В отчете упоминаются результаты исследований, которые показывают, что люди, знающие историю конкретного уголовного дела, с меньшей вероятностью скажут, что приговор был слишком мягким. Тем не менее, как ни странно, в самом отчете не приводятся никакие детали в отношении дела об ночной краже со взломом, которое приведено там в качестве примера. Но даже и при таких условиях, 44% отвечавших указали на необходимость компенсации, а еще 26% посоветовали отправить виновного на общественно-полезные работы. Также оказалось, что жертвы преступлений не являются более «кровожадными» в этом смысле, чем остальная публика. Государственный Служащий приведет дополнительную информацию, в добавление к тем данным, которые уже были предоставлены в докладе Политика.

Следует признать, что эти обзоры проводились уже достаточно давно. Возможно, дефицит обзоров такого типа в настоящее время является отражением существующего политического климата. (Вот какую гипотезу могли бы рассмотреть социологи: «заявления политиков оказывают воздействие не только на общественное мнение, но и на вопросы, которые задают социологи в опросах»).

БУДУЩЕ ПРОБАЦИИ

Как все это воздействует на Службу пробации? Обсуждается возможность фундаментальных изменений, таких как ее переименование в «Службу защиты общества» или «Агентство по осуществлению правосудия в сообществах». Такая новая организация «более жестко подходила бы к преступникам, отбывающим срок на общественных работах, и защищала бы общество» (*Times*, 22 июня; *Guardian*, 7 августа 1998). Было ли бы это шагом в правильном направлении? Мы понимаем, что, как инспекторы службы пробации, мы должны принимать во внимание потребности жертв преступления, на то есть несколько важных причин. Это дополняет нашу работу с преступниками, таким образом. Я уже упоминал об этом. Использование информации о воздействии преступления на его жертву для того, чтобы заставить преступника посмотреть на последствия содеянного им, является шагом вперед. Однако это не дает столь же сильного эффекта, как непосредственное общение преступника с жертвой. Кроме того, это не дает жертве возможности лично выразить свои чувства.

Работа с жертвами преступления

Я поддерживаю заявление Ассоциации старших инспекторов пробации (АСОР), сделанное в 1996 году. Доклад назывался «Служба пробации и жертвы преступления», в него было включено несколько принципов, предложенных Службой поддержки жертв преступления, в отношении права потерпевшего получать информацию и поддержку. Также, в нем говорилось, что жертвы:

Должны иметь возможность встречаться с преступником при условии сознательного согласия со стороны преступника и обеспечения соответствующего надзора и мер предосторожности.

В том, что касается позиций преступников, в докладе говорится следующее:

Реабилитация преступников может проходить более эффективно, если более полно информировать их о последствиях их поступков для жертвы преступления, чтобы заставить их почувствовать более полную ответственность за свои действия, а также, если включать в работу с преступниками элементы репарационного и восстановительного характера.

А также, что:

Авторитет и репутация Службы пробации укрепится, если она будет всерьез принимать потребности жертв преступления и работать по принципам восстановительного правосудия.

Документ рекомендует Службам пробации разрабатывать процедуры медиации между жертвой и преступником, а также, по возможности, включать в работу элементы репарации, в соответствии с потребностями и пожеланиями жертвы. В поддержку этого документа, в мае 1998 года, было также сделано совместное заявление АСОП и организации Mediation UK.

В соответствии с «Разделом о жертвах преступлений», английской Службе пробации надлежит работать с жертвами тяжких насильственных преступлений и преступлений, совершенных на сексуальной почве, а также с семьями погибших в результате убийства, с которыми инспекторы связываются после вынесения приговора. Родственникам предоставляют всю необходимую информацию и просят высказывать все, что их мучает, тревожит или беспокоит. Им рассказывают, к примеру, о том, как заключенных готовят к освобождению. Иногда такая подготовка включает перевод в тюремное заведение открытого типа или отпуск на свободе. Иногда программа работы с заключенными (но не дата освобождения) изменяется в зависимости от пожеланий жертвы, от высказанных ей опасений или соображений. В некоторых областях, таких как Западный Йоркшир, такую работу выполняют сотрудники подразделения, занимающегося проблемами отношений жертвы и преступника, потому что потерпевшие считают их нейтральными посредниками, не занятыми только лишь проблемами преступников. Эти сотрудники не предлагают медиацию в качестве одного из способов работы, но если жертва и преступник заявляют о своем желании пообщаться (прямо или опосредованно) перед освобождением, сотрудники могут устроить такую встречу или опосредованное общение. Сотрудник службы поддержки жертв более подробно расскажет об этом (см. стр. 94).

Реабилитация действительно эффективна

Теперь, получив представление об учете потребностей потерпевших, я хочу вернуться к вопросу реабилитации. Как инспектор службы пробации, я знаю, что многие люди попадают в неприятное положение

ние из-за того давления жизненных обстоятельств, которое им приходится испытывать. В лучшем случае, они лишены физически и эмоционально необходимых вещей, таких как нормальные условия проживания, обучение, работа, питание и любовь близких людей. В худших случаях имеет место активное нарушение их прав и физическое насилие. Это не детерминистское утверждение. Как я уже говорил, я не верю в «причины» преступлений, я верю только в факторы, которые подталкивают человека к ним, которые включают ситуацию и личные особенности человека. Бедность, неадекватные родители и низкий уровень серотонина сами по себе не делают из человека преступника, но, в сочетании с прочими факторами, они создают давление на него и проверяют его на прочность. И сила давления и сила внутреннего сопротивления различны для каждого человека. Какой-то безработный станет воровать, чтобы накормить семью, какой-то офисный работник совершит мошенничество, чтобы «жить не хуже Джонсов», а все остальные — нет, их обстоятельства и их характер будут отличаться.

Не вызывает сомнения тот факт, что большинство из тех, кто идет путем probation, испытывает серьезные потребности, и что мы все обязаны делать все возможное, чтобы помочь в удовлетворении таких потребностей. Поэтому нам нужно как-то демонстрировать, что потребности понятны, и что мы ними будем работать, но и заявить о том, что мы не собираемся мириться с тем, что человек наносит вред другим людям.

В 1970-х и 1980-х годах, мысль о том, что «ничего не поможет» деморализовала социальных работников и вдохнула новые силы в сторонников «заслуженного наказания». Однако эта идея затем была поставлена под сомнение. Нет необходимости пересказывать широко известную историю о том, как оказалось, что в нашумевшей работе американца Роберта Мартинсона присутствует излишняя и неоправданная доля пессимизма, и как он сам затем частично отрекся от своего мнения. Достаточно будет только процитировать более «свежую» работу английских исследователей Джеймса Макгуайра и Филиппа Пристли (1995). Эти ученые обнаружили, что особых свидетельств эффективности психотерапевтических и психологических, а равно и медицинских методов не существует. Эффективность достигается только когда эти мероприятия включаются в комплексную программу работы. Они также установили, после изучения результатов, сходных с теми, что ранее обнаружил Психолог, что «неспособность наказания оказать серьезное воздействие на преступное поведение — факт не только умозрительный, но и совершенно очевидный» (с. 14 указанной работы). И действительно, в одном обзоре результатов исследований (называемом на профессиональном жаргоне «мета-анализом»), обнаружилось, что «программы, основанные на устрашении и вмешательстве, содержащие интенсивные карательные элементы, оказывали серьезное негативное воздействие в плане повторных преступлений, увеличивая их вероятность примерно на 25 процентов» (с. 16).

Мета-анализ показал, что существуют такие программы, которые имеют более высокие шансы на успех. Обзор, подготовленный МВД («Сокращение преступности»), обозначил принципы эффективности (Голдблатт и Льюис, 1998, см. также RAPPAG, 1999). Они должны, например, базироваться на таких потребностях преступников, которые имеют отношение к их преступлению, они должны соответствовать типу их обучаемости, а для большинства преступников необходимо применять активные и интерактивные методы работы — поэтому необходима соответствующая подготовка персонала и оценка программ. Программы, основанные на участии представителей сообществ, обычно более эффективны, чем официальные государственные программы, хотя проекты, которые основываются на других принципах, тоже могут быть эффективны, причем также и при других условиях работы. К примеру, недавнее исследование МВД обнаружило, что, применительно к педофилам с высокой степенью отклонения от нормы, долгосрочные программы, проводящиеся по месту проживания, с повышенной интенсивностью терапевтического компонента, дают более значительные результаты в плане коррекции их отношения и поведения (Бекетт и др., цитата Хедерманна и Сага, 1996). То же исследование показало, однако, что общественная программа STEP (Sex Offender Treatment Evaluation Project — «Проект оценки работы с лицами, совершившими половые преступления») привела к снижению процента повторных преступлений, в сравнении с другими группами половых преступников. Более эффективные программы включают в себя элементы обучения навыкам решения проблем и прочим жизненным навыкам. Две программы, проводившиеся в Шотландии с использованием структурированной, интересной и стимулирующей работы в группах, с регулярностью раз в неделю, на протяжении шести-семи месяцев, показали, что уровень насилия у мужчин по отношению к их партнерам можно регулировать. Через 12 месяцев количество мужчин, которые совершили за это время не менее пяти актов насилия, сократилось с 26 до 7 процентов, в то время как среди тех, с кем проводилась работа другими, официальными методами, этот процент вырос с 31 до 37 (Добаш и др., 1996). Оценка проводилась не по принципу статистики повторного осуждения, а по данным опросов их партнеров, то есть, на основе более достоверных источников.

Эти результаты, вообще говоря, не удивительны. Что удивило — это тот факт, что наиболее многообещающие результаты были получены за счет комбинирования двух подходов:

- когнитивного, т. е. подхода, нацеленного на изучение того, как люди интерпретируют, понимают и воспринимают определенные типы поведения или ситуации, а также на обучение их поиску других путей поиска решений в ситуациях, которые потенциально могут привести к насилию или иному преступному действию; и
- поведенческого, т. е. подхода, который предполагает применение комбинации стимулов и анти-стимулов (метод кнута и пряника, если вы настаиваете на такой формулировке), чтобы побуждать людей к тому, чтобы учиться вести себя по-другому. Несколько техник включают развитие навыков взаимодействия с другими людьми, в одном исследовании сообщается о 50% сокращении количества повторных преступлений в группе людей, прошедших обучение навыкам ведения переговоров, в целях разрешения конфликтов между родителями и детьми в семьях несовершеннолетних правонарушителей.

Применялся метод аутотренинга для обучения способам контроля эмоций гнева и других форм нежелательного поведения. Также проводилось обучение моральному рациональному мышлению, которое может помочь закрепить изменения в поведении несовершеннолетних преступников. Интенсивный контроль и надзор в рамках пробации сам по себе не оказывает очень уж эффективного воздействия, в особенности, когда упор делается на наказание и надзор. Некоторые проекты, которые позволили сократить рецидивизм, содержали в себе терапевтический элемент. Подобным же образом, исследования, которые проводились когда-то в Америке после введения института «учебных лагерей», показали, что тех из них, где применялась наиболее жесткая и карательная политика, наблюдался рост рецидивизма. В то же время, в трех программах, где проводились более целенаправленные, не нацеленные на наказание и проблемно-ориентированные мероприятия, такие как сессии по профилактике злоупотребления алкоголем и наркотиками, а также осуществлялся надзор со стороны сообщества после окончания программы, наблюдалось некоторое снижение числа повторных преступлений. Надзор, который основан не на контрольном наблюдении, а на более интенсивных контактах между клиентами и персоналом службы пробации, таким образом, более эффективен, по всей видимости (Макгуайр и Пристли, 1995; Веннард и др., 1997).

Была осуществлена оценка результатов исследований, проведенных МВД, которая показала (что не удивительно), что каждый метод в отдельности вряд ли может быть эффективен, нужна интегрированная стратегия, которая фокусировалась бы, главным образом, на профилактике, и в которой «вмешательство для коррекции преступников» не было второстепенной задачей (Голдблатт и Льюис, 1998).

Служба для жертв и преступников в сообществе

И, наконец, мы подходим к рассказу о перспективах. Для начала я бы хотел сказать о том, чего я не хочу. Я не могу принять лже-гуманистический аргумент: «Тюрьмы дороги и наносят вред, но общественность жаждет наказания преступников, поэтому единственный способ получить одобрение планов сокращения количества тюрем — это введение более жестких наказаний в сообществе». Сторонники этого аргумента выступают за введение высоких штрафов, комендантского часа и электронной маркировки. Компенсацию и отработку в сообществе можно назвать восстановительными мерами, но они применяются как наказание. Жертвы не имеют возможности общаться с преступниками, а работу в сообществе выбирают для преступников ввиду ее неприятного характера, а не как лучший способ исправления содеянного, который существует для преступника. Инспекторы службы пробации будут в таком случае служить лишь инструментами исполнения наказаний. Конечно, контроль необходим, но он должен быть лишь способом достижения цели, а не самоцелью.

Но, несмотря на то, что я сейчас сказал о потенциале реабилитации, я не рассматриваю будущее как возврат к идее пробации в качестве, главным образом, социальной работы. Это привело бы нас обратно к проблемам, которые я уже описал, причем инспекторы службы пробации — и сами преступники — приводили бы объяснения, которые для многих людей звучали бы как отговорки.

Моя главная задача, как инспектора службы пробации, должна заключаться в служении обществу, я могу начать с того, что займу активную позицию в передаче информации организациям, занятым формированием политики предотвращения преступности. Я говорю не о той информации, которая помогает расследовать преступления, а о сведениях, относящихся к их предотвращению. Например, если значительная часть юных правонарушителей учится в одной и той же школе или живет в одном районе, не имея возможности адекватного применения своей энергии, можно предпринять действия для коррекции такой ситуации. У меня также существует особая ответственность перед теми членами сообщества, которые находятся в неравном, невыгодном положении из-за обстоятельств или действий других людей. Это озна-

чает, что мне нужно работать над тем, чтобы способствовать реинтеграции преступников, я должен также помнить о потребностях жертв (в соответствии с заявлением АСОР). Британская организация поддержки жертв Victim Support признает потребность преступников в справедливом обращении и адекватной работе с ними. Она не призывает к ослаблению средств исполнения надлежащих правовых процедур для обвиняемого или к ужесточению приговоров для преступников.

Люди, которые верят в идеалы реабилитации, могут считать репарацию продолжением наказания, в особенности, если она существует в форме платежей наличными со стороны преступника, у которого и так денег мало или вообще нет. Я согласен, что некоторые люди рассматривают компенсацию и общественные работы как наказание, а то, как современная политическая риторика их представляет, только поддерживает такое мнение. Поэтому, для начала, я хочу подчеркнуть, что и компенсация и отработка — это способы исправления нанесенного вреда, они используются вовсе не для того, чтобы преступнику было неприятно, потому что у него отбирают какую-то часть времени или денег. Следующий пример объяснит, что я имею в виду.

Очистка реки Уондл в Южном Лондоне включает подъем затонувших покрышек, велосипедов и прочего лома и мусора со дна реки, загрузка их на шлюпки, а затем — транспортировка против течения к месту сбора. Рабочий день длится семь часов, это, без сомнения, тяжелая работа. Однако один юный преступник попросил перевести его на этот «проект наказания на реке», как он его назвал, с тем, чтобы он мог помочь реке возродиться, а рыбам — вернуться. Он гордился тем, что ему удалось поработать там. (Энон, 1997). Есть множество сведений о том, что преступники продолжали работать на общественных работах добровольно, после окончания их срока. Следовательно, это было не наказание, а нечто лучшее, чем наказание.

Суть в том, что работа была полезной. Это главное — а не степень ее трудности. Опять-таки, политики и здесь поняли все абсолютно неправильно. Так же как все знали, что шитье мешков для почты — занятие малопривлекательное и плохо оплачиваемое, теперь все знают со слов Майкла Ховарда, что общественные работы неприятное и неблагоприятное занятие — а ведь это в точности противоположно ценностям поддержки общества и идеям сострадания.

Общественные работы иногда используются таким образом, что инспекторы службы пробации, чья специальная подготовка делает их склонными к применению подхода с позиций социальной работы, включающей восстановительный компонент, работают с преступником в рамках таких собственных ограничений (Буонатеста, 1997). Эту тенденцию можно компенсировать за счет использования «комбинированных приговоров», которые введены в Англии в соответствии с Законом об уголовном праве от 1991 года (раздел 11): в соответствии с ними общественные работы сочетаются с пробацией, а последняя включает в себя проработку реабилитационных потребностей.

Однако, хотя признание (и компенсация) ущерба — адекватная необходимость, инспекторы службы пробации помнят о потребностях, которые возникают у их клиентов, если они становятся на путь законопослушной жизни, что, собственно, от них и требуется. Служба медиации для жертв и преступников обнаружила, что многие жертвы также понимают и признают это, в особенности, если они встречались с преступником. Они не всегда жаждут репарации для самих себя — возможно, они уже получили страховку или, может быть, украденные вещи имели, скорее, сентиментальную, чем материальную ценность. Тем не менее, они хотят, чтобы преступник сделал что-то для того, чтобы показать, что он сожалеет о содеянном (чтобы в голове его «что-то щелкнуло», как выразилась одна жертва). Многие из них действительно озабочены судьбой преступников — в особенности, юных — и хотели бы, чтобы те смогли вновь наладить свою жизнь. Действительно встречаются преступники, которые на самом деле хотят извиниться перед жертвой и сделать что-то, чтобы исправить ситуацию. Поэтому, часто, если преступник соглашается участвовать в программе реабилитации, которая позволяет ему удовлетворять его потребности, например, в обучении профессиональным навыкам, или в избавлении от зависимости, жертва согласна рассматривать это в качестве репарации. Цели реабилитации не применяются в карательном контексте, потому что жертвы принимают участие в процессе, преступник изъявляет согласие, продолжительность зависит от потребностей преступника и не привязана к степени тяжести преступления. В данном случае, роль преступника не является пассивной, а в конце процесса, так же, как и при других формах репарации, он получает не клеймо бывшего заключенного, которое может заставлять людей отказывать ему в приеме на работу или в предоставлении жилья, а заслуженную благодарность за выполнение программы. Это облегчает его реинтеграцию в общество.

ФАКТЫ И СТАТИСТИКА

Государственный Служащий

Инспектор службы пробации попросил меня привести дополнительные примеры неблагоприятных условий жизни юных преступников. Если рассмотреть результаты всего лишь одного недавнего исследования, проведенного профессором Дэвидом Смитом и Джоном Стюартом из Ланкастерского университета, можно заметить, что 80% юных преступников на пробации закончили школу, не имея специальной квалификации — сравните с 8% от населения в целом (Смит и Стюарт, 1997: 101). Двадцать два процента из этих молодых людей в возрасте от 17 до 23 лет были хронически нетрудоспособными, ввиду той или иной инвалидности, болезни или наркотической/алкогольной зависимости (с. 102 этой работы).

Среди заключенных, 26% были в детском возрасте не попечении опекунов или государства (сравните с 2% от населения в целом) (с. 101). Только 17% юных преступников на пробации всегда проживали с двумя родителями или с одним из них (с. 102), а 38% людей, не достигших 21 года, прошли через детские дома. Также, существует множество исследований, которые подтверждают эти данные.

Исследование 200 юных преступников, совершивших насильственные преступления — именно этой категории больше всего боится общественность — показало, что 72% из них пережили эмоциональное, сексуальное, физическое или (редко) организованное/ритуальное насилие, а 27% — комбинации разных типов такого насилия; 52% пережили смерть близких людей или расставание с ними; и только 9% не были жертвами насилия и не теряли близких людей (Босвелл, 1996, 1998).

Самая жесткая форма социального исключения — это тюремное заключение, а количество заключенных неизменно росло в 1990-х годах. С 40 606 в конце 1992 года оно выросло до 56 440 в сентябре 1996. После смены правительства оно продолжало расти и достигло 62 481 к сентябрю 1997, т. е. число заключенных возросло на 54% менее, чем за 5 лет (консорциум по делам карательной системы, 1997).

Главный инспектор тюрем обнаружил, что «Большинством юных преступников пренебрегла система образования», а более половины из них были исключены из школы или сами бросили ее. Многие регулярно прогуливали занятия. Почти четверть из них во время совершения преступления была в состоянии *алкогольного опьянения*, а почти две трети из них признали *злоупотребление наркотиками* в тот или иной момент своей жизни (главным образом употреблялась марихуана). Правда, Главный инспектор отмечает, что «Это отражает тенденции поведения молодежи в целом». Он обнаружил, что «*Главная причина преступного поведения молодых людей заключалась в злоупотреблении алкоголем и/или наркотиками*» (МВД, 1997, курсив — в оригинале). Это подтверждено исследованием Лиги Ховарда в отношении 66 молодых людей в Фелтхемской колонии для юных преступников: 89% из них принимали наркотики, включая алкоголь, регулярно, а более трети из них принимала наркотики класса А (тяжелые наркотики) (Лига Ховарда, 1998b).

Процент повторных осуждений

После освобождения из тюрьмы, 45% мужчин снова бывают осуждены за совершенные преступления, уже в ближайшие два года после освобождения. Однако для преступников в возрасте от 17 до 20 лет, такая цифра достигает 69%, а от 14 до 16 лет — 89%. Эти цифры взяты из документа «Статистика тюрем» 1994 года (МВД, 1996a), поскольку они не публиковались в такой форме (возможно потому, что сторонники реформы карательной системы цитировали их слишком часто!).

Повторные осуждения после пробации

Было проведено множество исследований тех методов, которые «работают» и тех, которые «не работают», после которых вырисовывается картина отличий. Неструктурированная разговорная терапия неэффективна, неэффективны также методы одноразового лечения: лучше всего устроить несколько последовательных сессий. Карательные меры могут, на самом деле, только все ухудшить: обзоры таких программ, «шоковое заключение» или интенсивная слежка показали, что количество повторных преступлений увеличивается на 25%, по сравнению с контрольными группами (Мета-анализ М.В. Липси, цитата Макгуайра и Пристли, 1995).

Программы наиболее эффективны, когда они структурированы и применяются последовательно, и когда они используют методы, которые соответствуют качествам преступника и стилям его обучения. Программы, которые включают «когнитивные» методы, т. е. побуждают преступников думать о последствиях их действий для них самих и для окружающих, имеют хорошую репутацию (Мак Гуайр и Пристли, 1995). Эти результаты подтверждает обзор МВД, который показал, что программы, обучающие преступников важности рационального мышления и решения проблем, были более эффективны. Также, более эффек-

тивным было и социальное обучение, в котором поведенческие техники модифицируются когнитивными техниками, т. е. техниками наблюдения за результатом поведения других людей. Так, после проведения программы «STOP» (Straight Thinking On Probation — Рациональное мышление для клиентов программ probation), всего восемь процентов были осуждены за насильственные, или половые преступления, или кражи со взломом за последующие 12 месяцев, по сравнению с 21% среди заключенных (Веннард и др., 1997).

Общественное мнение

Чтобы дополнить информацию, которую я дал после выступления Политика, приведу следующие сведения: недавний Британский обзор преступности был проведен в 1996 году, среди 16 348 человек в возрасте 16 лет и старше. В отчете об этом обзоре, озаглавленном «Отношение к наказанию» было написано, что многие люди основывают свои мнения на неправильно понятых фактах. Примерно три четверти опрошенных считали, что статистика зарегистрированных преступлений идет вверх, в то время как на деле, таких преступлений стало меньше, четыре из пяти человек считали, что более 30% преступлений — это насильственные преступления, в то время как на самом деле эта цифра (исключая мелкие правонарушения) составила 6%. Более половины опрошенных недооценила количество преступников, приговариваемых к лишению свободы, например, более 50% считали, что в тюрьму попадает менее 60% насильников, в то время, как на деле эта цифра равна 97% (Хаф и Робертс, 1998).

Если людям известно о прочих опциях, таких как репарация, многие отдают предпочтение им. Когда в опросе был поставлен вопрос о приговорах, и дан ряд вариантов ответа, большинство выбрало компенсацию и общественные работы, и гораздо меньше людей отдали предпочтение тюремному заключению (по сравнению с ответами на тот же вопрос без предоставления списка альтернатив) (Хаф и Робертс, 1998: 29). Предыдущие исследования, проведенные в Великобритании, показали, что:

- 85% опрошенных полагали, что общественные работы — хорошая альтернатива тюремному заключению
- 66% считали, что преступник должен выплачивать компенсацию жертве
- 93% полагали, что, когда это только возможно, преступники должны работать над исправлением последствий своих преступлений
- 63% считали, что деньги от штрафов должны перечисляться жертвам
- 75% считали, что большую часть взрослых преступников следует отправлять на общественные работы вместо тюремного заключения (Райт, 1989).

Несмотря на это, отбытие наказания на общественных работах все дальше отходит от идеала — создания для преступников возможности продемонстрировать, что они могут внести свой вклад в благосостояние других людей: в сборнике Национальных Стандартов, изданном в 1995 г., указывается, что такие приговоры должны включать хотя бы один вариант, обеспечивающий «тяжелый ручной труд» (МВД и др., 1995).

Похожие результаты были обнаружены и в других странах, например, в Германии 90% опрошенных были склонны или очень склонны к выбору реституции в отношении мелких преступлений, таких как мелкое мошенничество, кража из магазинов или безбилетный проезд. Даже в отношении таких преступлений, как ограбление, изнасилование и отъем личных вещей и денег, 25% опрошенных склонялись в пользу реституции (Сессар, 1995). В одном американском штате, четыре из пяти опрошенных высказались за то, чтобы деньги тратились на образование, профессиональное обучение и общественные программы, а не на тюрьмы — в целях профилактики преступности — и примерно такая же часть опрошенных продемонстрировала интерес к встрече с преступником лицом к лицу, в присутствии профессионального медиатора (в случае, если бы эти люди стали жертвами ненасильственного преступления, включающего кражу имущества, совершенного несовершеннолетним или юным преступником). Примерно три из четырех опрошенных сказали, что реституция со стороны преступника предпочтительнее тюремного заключения. Подобные же результаты были получены и в еще шести обзорах национального и местного масштаба, проведенных в США (Пранис и Умбрайт, 1992).

Практически все обзоры показывают, что жертвы преступлений не более «кровожадны», чем население в целом. В только что процитированном исследовании, 46% жертв насилия были готовы полностью отменить наказание для их обидчиков, а 30% — частично, если бы преступник был готов совершить реституцию (для жертв краж со взломом такие цифры составили 32% и 44% соответственно) (Сессар, 1995). Чем более непосредственным является воздействие преступления на человека, тем менее он склонен к применению карательных санкций. Еще один обзор показал, что 54% жертв краж со взломом полагали, что преступники старше 18 лет должны отправиться в тюрьму, а 75% посчитали, что воры-рецидивисты

заслуживают лишения свободы, однако, когда им задали вопрос, какое наказание они хотели бы видеть для преступника, в их собственном случае, только 29% высказались в пользу тюремного заключения. Обычно люди отмечали, что «тюрьмы никому не идут на пользу», многие из тех, кто все-таки высказались в пользу заключения, сделали это только потому, что им не были известны какие-либо эффективные альтернативы. Хотя было и меньшинство (10%), которое сказало, что жаждет личной мести, телесных наказаний или штрафов, общий посыл состоял в том, что «их» преступник должен «вернуть долг» каким-то полезным образом, через реституцию или благодаря работе в сообществе, и что если такого преступника удастся «перевоспитать», это избавит многих других людей от потенциальных неприятностей (Макгуайр, 1982: 139-141).

ДИСКУССИЯ

В. Вы сказали, что многие преступники происходят из неблагополучных семей и живут в трудных условиях, а Государственный Служащий подкрепил эти слова результатами исследований. Я не оспариваю этого, но нельзя ли это все интерпретировать по-другому? Многие молодые люди являются безработными потому что они могут легко прожить за счет социальных пособий, у них низкий доход потому что они прогуливали занятия и не получили никаких навыков (за исключением навыков «уличной жизни»). Иногда школы мало что делают, чтобы «держать их в узде». Это происходит отчасти и потому, что их родители (которые часто тоже живут за счет пособий) либо не пытаются контролировать, либо не стараются сохранить брак и полную семью, а когда все становится плохо, они быстренько отдают детей в детские дома. Если они пытаются наказать ребенка, тут же находится социальный работник, который готов отдать их под суд за насилие, и даже передать дело в Европейский Суд по правам человека. Мы должны четко продемонстрировать им, где пролегает граница между дозволенным и запрещенным.

О. Я не могу не согласиться с вашим последним замечанием; вопрос состоит в том, как именно мы должны это сделать. Вы не должны слепо доверять всему, что печатает Daily Mail! Помните, что новость является новостью только потому, что она рассказывает об исключительных фактах, но даже если факты точны, можете не сомневаться, что информацию вам дают неполную. Во-первых, я не верю в то, что существуют изначально, от рождения испорченные дети. Конечно, это невозможно доказать, но я считаю, что это наилучшая рабочая гипотеза. Некоторые из них, безусловно, дезориентированы и сбились с пути, что неудивительно, если учесть условия, в которых они находятся. Во-вторых, вне зависимости от того, существуют ли такие изначально «плохие» дети, все говорит о том, что конструктивный подход к ним может быть эффективен, и что вероятность этого высока. Если за детей отвечают их родители, несправедливо было бы винить их в том, что они такие, какие есть. Очень важно, чтобы наше отношение (отношение общества) к ним моделировало то поведение, которое мы от них ожидаем, а не давало пример насилия, в то время как мы хотим отучить их самих от насильственных действий. Иногда дети прогуливают уроки, потому что считают, что школа не принимает их, и широко известно, что многие школы действительно не очень задумываются, прежде чем исключить ребенка (или отстранить от занятий) — а ведь они должны были бы заботиться об их потребностях, включая потребность в образовательной дисциплине. Дисциплина не должна быть односторонней: взрослые должны также брать на себя обязательства, а не только требовать чего-то от детей.

И, наконец, даже если есть родители, которые вписываются в описанный вами стереотип, существует также множество тех, кто искренне хотели бы быть самыми лучшими для своих детей, но просто не знают как. Нам нужно искать способы, думать, как мы можем помочь им делать то, чего хотят они и мы, например, за счет таких проектов как Home Start, который предлагает поддержку, дружеское отношение и консультативную помощь семьям с детьми младше пяти лет. Было приятно услышать, что Политик поддерживает похожий проект High/Scope. Однако мне не нравится тенденция, характерная для прошлого правительства Великобритании, да и для нынешнего тоже. Я говорю о том, что родителям нежелательно угрожать штрафами и уж точно нельзя — тюремным заключением, ведь тюрьма — самый эффективный путь к тому, чтобы сделать семью еще менее функциональной.

В. Вы не ответили на мое замечание по поводу безработицы.

О. Вряд ли возможно охватить такую проблему за несколько минут! Скажу лишь вкратце. Во-первых, я не считаю, что так уж много людей предпочитают оставаться без работы (хотя, признаюсь, я сам с нетерпением жду пенсии!). Кроме того, многие люди, даже не имея оплачиваемой работы, очень помогают

обществу. Во-вторых, если мы (и снова это не уточненное «мы»!) хотим, чтобы люди работали, мы должны обеспечивать наличие рабочих мест. Нам следует внимательнее подойти к сверхурочным. В среднем, каждый человек, занятый в промышленности, перерабатывает 8 часов в неделю. Поэтому, если взять сверхурочные у пяти человек, можно дать работу еще одному человеку, а эти пять получают нормальную рабочую неделю. Конечно, это будет нелегко, но, к примеру, французы уже сделали шаг в этом направлении. Мы должны убедить людей в том, что лучше иметь больше часов для отдыха, чем больше денег, что они смогут посвятить больше времени своим семьям и сообществам, что в таком случае будет меньше преступлений и других социальных проблем, что, в свою очередь, позволит сократить рабочий день социальных работников. Чем меньше будет уровень безработицы, преступности и других социальных «болезней», тем ниже будут расходы бюджета, а, следовательно — налоги, что компенсирует потерю дополнительного заработка. Конечно, я приукрасил ситуацию, не сказав о целой куче сложностей, связанных со всем этим, но я убежден, что мы должны двигаться именно в этом направлении, если мы хотим иметь стабильное общество, которое не отторгает людей.

В. Среди всех факторов, о которых говорили вы и Государственный Служащий, нет никакого упоминания о возможном воздействии неправильного питания на поведение. Вы не считаете, что оно является существенным фактором?

О. Здесь есть две основные группы факторов: есть люди, которые пострадали от того, что их мозг не получает адекватного питания, и люди, которые страдают от воздействия ядов, таких как свинец, содержащийся в парах бензина, которые отравляют мозг. Часто эти факторы взаимосвязаны. Множество исследований показывает, что существует статистически значимая зависимость плохой успеваемости или антиобщественного или насильственного поведения от повышенных уровней содержания свинца, кадмия и других тяжелых металлов в крови. Также, нехватка питательных веществ, которые важны для деятельности мозга — витаминов, минералов и эссенциальных жирных кислот, тоже оказывает воздействие на указанные типы поведения. Часто это вызвано тем, что люди злоупотребляют «быстрой пищей», в которой много консервантов и жиров, но мало питательной ценности. Целый ряд очень строго выстроенных научных экспериментов в США показал, что улучшение питания может существенно снизить вероятность преступного поведения. Полномасштабный исследовательский проект проходит в настоящее время в колонии для юных преступников в Бакингемшире, этот проект должен снабдить нас убедительными данными (Геш, 1998).

В. Могу ли я попросить вас вернуться к проблемам Службы пробации? Должна ли служба продолжать оставаться ориентированной на работу с преступниками?

В. Я бы хотел развить этот вопрос. Филипп Престли, который много писал и говорил по этому поводу, предложил создать «Службу пробации и репарации». Я знаю, что Чехия планирует создание службы пробации и медиации. Что вы думаете по поводу этих идей?

О. Я бы ответил утвердительно на первый вопрос, но отметил бы, что большая информированность преступника о жертве и ее проблемах помогла бы в деле более широкого использования медиации между жертвой и преступником. Также, должны существовать гарантии, как для жертвы, так и для преступника.

В отношении второго вопроса, я не думаю, что комбинированная служба «для жертв и преступников» может наилучшим образом служить интересам всех заинтересованных сторон, даже если бы мы начали строить работу с нуля. Всегда существует опасность того, что какая-то из сторон решит, что ей уделяется не столько внимания, сколько другой стороне, а у отдельных инспекторов в этом случае могут возникать конфликты интересов. Поэтому я считаю, что в отдельной системе, существующей в Англии и Уэльсе, есть свои преимущества, плюс государственная служба пробации (или независимая организация с госбюджетным финансированием, как, к примеру, в Австрии) и добровольные (неприбыльные) организации, созданные для помощи жертвам также получают достаточное финансирование из государственных и общественных источников.

Медиация не может развиваться, если для людей, которые ей занимаются, она является всего лишь второстепенной задачей. Нужно, чтобы работа людей зависела от того, насколько успешна их деятельность. Поэтому, я бы хотел, чтобы была отдельная организация для работы с преступниками, еще одна — для помощи жертвам и третья — нейтральная, которая способствовала бы общению между двумя сторонами (я говорю о нейтральном отношении к людям, а не к их преступлениям, естественно). Если такая служба медиации организовывается на государственном уровне, она может служить межведомственной

организацией, которая будет получать поддержку со стороны службы пробации, социальных организаций, полиции, образовательной системы и, конечно же, службы поддержки жертв. Служба пробации может, в то же время, играть активную роль в налаживании работы независимых служб медиации, так же, как в 1970-х годах она помогала наладить работу службы поддержки жертв в Великобритании.

В итоге, вероятно предпочтительно будет осуществлять руководство работой службы медиации через независимую добровольную организацию, под эгидой национального центрального органа, такого как Mediation UK. В комитете по управлению этой организацией были бы представлены члены государственных органов и службы поддержки жертв. Может понадобиться несколько более долгое время для того, чтобы завоевать доверие (и получить финансирование) со стороны людей, которые работают «в системе», но в процессе такой работы будут также устанавливаться более тесные связи с местными сообществами, а это само по себе очень важное завоевание. Службы медиации предлагают также и другие типы медиации, некоторые из них, те, что имеют отношение к соседским спорам, способствуют предотвращению преступности.

В. Еще один связанный с эти вопрос: нужно инспекторам службы пробации учиться навыкам медиации?

О. Нет, мы не считаем, что люди должны комбинировать эти две очень разных роли. Если мы представляемся жертвам в качестве инспекторов службы пробации, они естественно думают, что мы будем о чем-то просить их от лица преступников, в то время как медиатор должен занимать нейтралитет. Тем не менее, понимание концепции восстановительного правосудия должно включаться в программу обучения каждого инспектора службы пробации.

В. В отношении всех этих разговоров об ответственности преступников: вы говорите, что многие из них происходят из неблагополучных семей и нуждаются в помощи и поддержке. Значит ли это, что они не получают ее, потому что они должны осуществить репарацию, так или иначе?

О. Нет, опыт медиации «жертва-преступник» показывает, что жертвы реалистично настроены и обычно не требуют больше, чем преступник в состоянии уплатить. Часто они вообще ничего не требуют для себя, а настаивают на том, чтобы преступник работал на благо общества — т. е. конструктивно продемонстрировал бы то, что он понял и признал причиненный им ущерб. Что касается преступников из неблагополучных семей, следует сказать, что в договор о репарации часто включается положение о том, что преступник будет участвовать в программах, которые проводятся для удовлетворения существующих у него потребностей.

Таким образом, удается избежать злоупотребления той помощью, в которой он нуждается, и соблюсти принцип добровольности. Сообщество в таком случае обязуется обеспечить доступность соответствующих программ для него, чтобы он мог выполнить все, что от него требуется.

В. Похоже, вы все еще не решили одну из фундаментальных проблем, о которой упомянули в начале: реабилитация фокусируется на потребностях преступников, а не на том ущербе, который они наносят, она неспособна исправить нанесенный вред и не является соразмерной его масштабу. Даже если жертва не стремится к мести, она часто хочет, чтобы преступник слегка «попотел», как это сформулировал один потерпевший. Они хотят, чтобы преступнику это «чего-то стоило», не обязательно в плане денег или физической боли, нет, это могут быть усилия, признание содеянного, извинения и что-то осязаемое, что ему нужно продемонстрировать в доказательство серьезности его намерений.

О. Мы можем решить эту проблему, если взглянем на нее под другим углом: меры реабилитации являются элементом репарации. Те усилия, которые, как вы говорите, многие жертвы хотят видеть со стороны преступника, могут выражаться в форме сотрудничества, участия в мероприятиях, которые не только помогут преступнику, но и побудят его сопротивляться внутренним порывам и удерживаться от новых преступлений — а ведь этого одна из вещей, которая столь желательна для жертв преступления.

СОТРУДНИК СЛУЖБЫ ПОДДЕРЖКИ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ораторы, которые уже выступили, говорили, главным образом, о том, что связано с преступниками, я хотел бы восстановить равновесие, поговорив о жертвах, а в особенности об их позициях в процессе уголовного судопроизводства. Хочу начать с того, что — как и другие ораторы — я говорю только от себя лично, и моя точка зрения может отличаться от точки зрения Службы поддержки жертв и других организаций.

Во-первых, я хочу сказать кое-что о том, каково это — быть жертвой. Боль ведь причиняет не только насилие, а жертвами преступлений становятся не только женщины, но и (даже чаще) мужчины. Вот рассказ о том, что произошло с одним человеком:

Его очень больно ранил тот факт, что, пока он был в отъезде, его дом ограбили. Его состояние души было таким угнетенным, что «воображение превратило этот неприятный эпизод в невероятную, глобальную катастрофу. У себя в доме он обнаружил страшный беспорядок, шкафы были вытопорошены, вещи разбросаны». Хотя украдено, по всей видимости, было не так много. Ему казалось, что «произошло нечто ужасное, вопиющее, нечто... чего он, скромнейший и тишайший гражданин, никак не заслужил, и чего он не мог и не сможет простить. Эта боль терзала его много лет».

Жертва этого преступления известна многим англичанам — Эдвард Лир, художник и создатель бессмертных стихов в жанре «нонсенс», живший в девятнадцатом веке. Цитата приведена из его биографии (Дэвидсон, [1938] 1950).

Системе лучше известно о жертвах

Больше всего меня заботит сегодня то, как к жертвам относится так называемая «система». Я должен отметить, что это уже вовсе не та картина бездумного пренебрежения потребностями жертв, которая существовала в обществе два-три десятилетия тому назад, когда потерпевшего вообще не считали «стороной дела» (Шэпланд, 1983). С тех пор — со времени, когда потерпевшими пренебрегали, не давали им информации и относились к ним просто как к свидетелю, а не к человеку, против которого и было совершено преступление — утекло много воды. Список достижений на пути защиты интересов жертв в Великобритании впечатляет. За последние несколько десятилетий сделано так много, что, говоря об этом, я рискую показаться самодовольным. Но я, безусловно, хочу отметить достигнутый прогресс. Некоторые шероховатости системы уже сглажены, но не все, что существует на бумаге, внедряется в практику. Я считаю, что в традиционной (т.н. «враждебной») системе правосудия заложены типичные для нее проблемы, которые неизбежно создают трудности и даже опасность для жертв. Я попытаюсь рассказать о них и указать, что необходимо сделать, чтобы избежать их.

Компенсация со стороны государства

Некоторые изменения происходят вне системы уголовного судопроизводства и не зависят от власти, которой суды уполномочены приказывать преступнику выплатить компенсацию (сумма которой часто неадекватна имеющимся у него средствам) в пользу жертвы — я расскажу об этом позднее. Первое изменение было связано с введением компенсационной схемы для жертв насильственных преступлений. Оно было введено в 1963 году в Новой Зеландии, а через год — в Великобритании (сейчас оно известно как Компенсационная схема для людей, получивших телесные повреждения в результате преступлений). Сейчас она работает еще в целом ряде стран, причем сумма компенсации, выплачиваемой жертвам, варьируется значительно. В Британии, изменения, введенные в 1996 году, привели к уменьшению некоторых крупных сумм компенсации для жертв, которые недавно получили тяжкие телесные повреждения. Компенсационные суммы, которые выплачиваются по новой схеме, подвергаются критике, например, как в случае, когда одиннадцатилетней девочке, мать и сестра которой были убиты, выплатили 18 500 фунтов стерлингов (*Guardian*, 2 и 3 апреля 1998), или когда шестилетней девочке, у которой на лице остался большой шрам, выплатили 7 950 фунтов (*Guardian*, *The Sun*, 26 августа 1998), или когда за групповое изнасилование жертве присудили 10 000 фунтов (*Daily Mirror*, 2 сентября 1998). Эти суммы сильно контрастируют со штрафами в 50 000 и 73 776 фунтов, которые присудили суда по гражданским искам двух женщин, изнасилованных их начальниками (*Guardian*, 5 ноября 1997). Но даже и в этих случаях, суммы компенсации превышают те суммы, что выплачиваются в других странах в таких же ситуациях, и их ценность повышается за счет наличия Национальной службы здравоохранения, которая предоставляет множество

видов медобслуговування безплатно. Государственный Служащий приведет статистику. Некоторые жертвы преступлений, однако, не получают компенсации или получают ее в меньшем размере — например, те из них, кто ранее привлекался к уголовной ответственности. Кроме того, людям, которые живут на социальные пособия, могут урезать такие пособия после выплаты компенсации, поскольку Департамент социального обеспечения считает такую компенсацию капиталом. В то же время, обычные люди с нормальным доходом не страдают от каких-либо вычетов (Моуби и Уолклейт, 1994: 152). Министр внутренних дел объявил о пересмотре системы, но не увеличил финансирование (*Guardian*, 17 сентября 1998).

В других странах максимальные суммы компенсации — меньше, кроме того, они могут пойти на покрытие расходов на лечение. В США, группа, работающая с проблемами жертв преступлений, созданная при Президенте США (1982: 36) обнаружила, что жертвам изнасилования приходится самим оплачивать медицинский осмотр, что обходится им примерно в 200 долларов. Счета за медобслуживание для одного молодого человека с пожизненной инвалидностью достигли 30 000 долларов, в то время как максимальная компенсация в его штате равнялась 10 000 долларов (с. 40). В некоторых странах компенсация жертвам выплачивается только в связи с определенными видами преступлений, такими как терроризм. В некоторых штатах США и в Бельгии компенсация часто выплачивается за счет сборов с осужденных за другие преступления, но как отметила Хелен Ривс из службы поддержки жертв, это не является демонстрацией готовности всего общества заботиться о жертвах преступлений. В Новой Зеландии, компенсация жертвам преступлений устанавливается практически таким же образом, как компенсация, выплачиваемая в связи с жертвами несчастных случаев на производстве и др., преимущество здесь заключается в том, что насильственные преступления здесь рассматриваются в перспективе и выглядят лишь малой долей тех увечий и телесных повреждений, которые получают люди в результате различных ситуаций. Кроме того, в этой стране жертва преступления против законодательства о технике безопасности на производстве получает компенсацию в любом случае, даже если такое преступление не разбирается в системе уголовного судопроизводства. (Правда, жертвы корпоративных финансовых преступлений должны требовать возмещения ущерба через гражданские суды, как и во всех других странах). Помощь жертвам преступлений рассматривается не только в чисто финансовых терминах — потерпевшим также оказывают консультативную психологическую помощь (хотя такая помощь не всегда бывает доступна на местах). В соответствии с Законом о реабилитации и компенсации в отношении жертв несчастных случаев от 1992 года были внесены изменения в законодательство, в соответствии с которыми единовременная компенсация заменена выплатами пособия, которое присуждается, если телесные повреждения привели к потере трудоспособности не менее, чем на 10% (в то время, сумма компенсации за 100% потерю трудоспособности составляла 40 новозеландских долларов в неделю). Обзор работы агентств по оказанию помощи жертвам преступлений, проведенный вскоре после принятия этого Закона, показал, что, в соответствии с общественным мнением, схема принимает во внимание потребности жертв, хотя отмена единовременной выплаты подвергалась критике (Ли и Сиэрл, 1993).

Служба поддержки жертв

Второе важное изменение для жертв преступлений было разработано при помощи группы добровольцев. Большую часть работы также выполнили сотрудники-добровольцы. Служба поддержки жертв преступлений начала работать в 1974 году в Бристоле, Англия. Ее деятельность быстро распространилась на всю страну. Полиция передает фамилии жертв местным координаторам службы поддержки жертв, которые предоставляют эту информацию обученным добровольцам, а те — по почте или лично — связываются с потерпевшими и узнают, могут ли они им как-то помочь. С 1989 года в Королевском Суде работает отдел по поддержке свидетелей, и, в особенности, потерпевших. К 1995 году такие отделы открылись по всей стране, а с 1999 года Служба поддержки жертв стала получать государственное финансирование и смогла расширить свое представительство в судах магистратов. Жертвы преступления могут попросить о посещении зала суда до начала заседаний, с тем, чтобы лучше представлять, как все будет происходить. В день суда они могут потребовать, чтобы их отвели в отдельную комнату для ожидания, и им не пришлось видеть ответчика и членов его семьи.

Служба поддержки жертв также служит пунктом сбора информации, поступающей от жертв, в отношении их опыта участия в процессах уголовного судопроизводства, и выступает с требованиями принятия мер по улучшению условий для жертв — я об этом расскажу позднее. Похожие организации существуют сейчас и в других странах, например, Национальная организация помощи жертвам (NOVA) в США, Национальный институт помощи жертвам и медиации (INAVEM) во Франции и Белое Кольцо (Weisse Ring) в Германии. В 1988 году, был создан Европейский форум помощи жертвам, с членскими организациями в 14 странах (комиссия ООН, 1998). Существуют и другие организации, предлагающие поддерж-

ку жертвам определенных типов преступлений, например кризисные центры для жертв изнасилования, убежища для жертв домашнего насилия и Национальное общество предотвращения жестокости по отношению к детям.

Процедуры, принимающие во внимание интересы жертв

Правительства различных стран также начали совершенствовать систему, с точки зрения жертв преступлений. В 1990 году правительство Великобритании, к примеру, опубликовало «Хартию жертв преступления». Второе издание вышло в 1996 году. Там приводится ряд требований к обхождению с жертвами. Кроме того, есть еще «Судебная хартия», в которой устанавливаются соответствующие требования к судебным процедурам. Ни один из этих документов, однако, не говорит о том, какая компенсация может быть доступна жертвам, если цели судебных заседаний не достигнуты. В 1993 году Королевская служба прокуратуры подготовила положения о политике судебного преследования в связи с домашним насилием, а также об отношении к жертвам и свидетелям преступлений. В том же году Королевская комиссия по уголовному судопроизводству (1993) рекомендовала несколько реформ. В результате таких инициатив, жертвы преступления могут теперь ожидать следующего:

- им будет предоставляться листовка с инструкциями и фамилия/телефон офицера полиции, а также еще одна листовка-инструкция, если их вызывают для дачи показаний
- прокуратура представляет жертве информацию и сообщает ей о каких-либо возможных задержках в разбирательстве. Родственники погибших в результате преступления могут требовать от прокуратуры объяснений в отношении ее решений по данному уголовному делу
- в здании суда для них предусматривается отдельная комната ожидания
- сотрудники суда должны постараться спланировать, где они будут сидеть в зале суда
- отныне, в зале суда не будет оглашаться адрес потерпевших
- в случае если имеет место изнасилование или иное половое преступление, фамилия жертвы не оглашается
- в отчеты инспекторов службы пробации о преступниках, которые подаются перед оглашением приговора, включается информация о финансовых убытках и ином ущербе, хотя в настоящее время инспекторы службы пробации получают такую информацию из материалов уголовного дела
- они будут получать информацию о задержании подозреваемого и о примененных мерах пресечения или предъявленных обвинениях.

Тем не менее, нельзя сказать, что такая политика уже полностью внедрена на всей территории страны. В рамках программы информирования жертв преступлений, в нескольких районах страны был запущен и выполнен пилотный проект «One-Stop Shop». В ходе выполнения этого проекта жертвам квартирных краж, нападений (включая домашнее насилие и половое насилие), ограблений, преступлений на почве расовой неприязни, и преступного нанесения ущерба на сумму свыше 5 000 фунтов, задавали вопрос, желают ли они, чтобы их информировали о дате первого слушания в суде магистрата или в суде по делам несовершеннолетних, о дате судебных заседаний и предварительных слушаний, дате заседания Королевского Суда и приговоре или решении суда. Проект, похоже, принес некоторое удовлетворение жертвам, однако их ожидания возросли, а ведь никто их не пока удовлетворил (Хойл и др., 1998: 23). МВД рассматривает возможность внедрения этого проекта на национальном уровне. Практически все региональные отделения Королевского Суда и большинство судов магистратов предлагают жертвам совершить ознакомительные визиты до начала суда, в большинстве судов предусмотрены (или могут быть предоставлены) отдельные помещения для ожидания, однако проблема утешения жертвы по-прежнему остается (Шепленд и Белл, 1998).

Для семей жертв убийства в большинстве районов уже существует требование в отношении предоставления им пакета информации и извещения их о ходе дела. В делах о половых преступлениях и убийствах информация также предоставляется в отношении апелляций против приговора. Планы извещения потерпевших об освобождении преступников до суда, под залог, пока еще не внедрены в Великобритании.

В Англии, юристы понимают необходимость принятия во внимание потребностей потерпевших. В «Кодекс профессионального поведения» Генерального совета коллегии адвокатов были внесены поправки, в соответствии с которыми адвокаты «не имеют права говорить, что потерпевший ... виноват в преступлении, мошенничестве или правонарушении или делать какие-либо оскорбительные или причиняющие ущерб репутации какого-либо лица заявления», если только это не является важным аргументом для защиты ответчика и подтверждается разумными доказательствами. Было аннулировано положение, в соответствии с которым адвокаты не имели права контактировать со свидетелями, из-за чего жертвы

преступления чувствовали, что ими пренебрегают. Теперь адвокаты обвинения имеют право представить-ся, задать вопросы по процедуре и обязаны как можно осторожнее и деликатнее допрашивать свидетелей, нервная система которых пострадала от пережитого (Совет коллегии адвокатов, 1997).

Существуют ограничения в допросах жертв изнасилования — запрещено спрашивать об их прошлой половой жизни (такие вопросы часто задаются адвокатом защиты, в попытке дискредитировать потерпевшую), но по-прежнему поступают жалобы на то, что судьи не следят за соблюдением этого правила (Межведомственная рабочая группа, 1998: 67-9). Кроме того, планируются изменения в положении об этом ограничении. Свидетельства детей разрешено записывать на видеопленку. Их по-прежнему могут подвергать перекрестному допросу, но теперь это разрешено делать по каналу видеосвязи. Также, для взрослых свидетелей с хрупкой или травмированной психикой разрешено во время допроса устанавливать ширму, чтобы им не приходилось смотреть на обвиняемого в зале суда. Это также, однако, требует согласия судья, а таким согласием не всегда удается заручиться.

Компенсация со стороны преступника

Уголовные суды европейских стран имеют возможность спрашивать мнение жертвы преступления о том, какой должна быть компенсация, так как гражданский иск разбирается совместно с уголовным делом. В Британии уголовные суды получили в 1972 году право определять выплату компенсации со стороны преступника в пользу жертвы. В Законе об уголовном судопроизводстве от 1982 года говорится, что выплата такой компенсации имеет приоритет над штрафами и судебными издержками. Тем не менее, энтузиазм потерпевших в связи с введением этого положения, пошел на убыль. Некоторых потерпевших вообще не спрашивали, хотят ли они получить компенсацию или не спрашивали в каком размере, а когда выплаты имеют место, они часто являются нерегулярными и недостаточными. В 12% уголовных дел компенсацию вообще списывали. Суды не всегда применяют свою власть в этом направлении, а когда они это все же делают, они часто предписывают зачесть часть суммы, которую может уплатить преступник, в уплату штрафов, в противоречии с Законом от 1982 года. Суды магистратов часто принимают решение, что в дополнение к компенсации необходимо еще и наказание (Ньюберн, 1988: 12, 40). Со времени принятия Закона об уголовном судопроизводстве они обязаны готовить компенсационное решение или объяснять причины его невозможности, но они продолжают находить причины, чтобы избежать его подготовки, в качестве одной из них выдвигается тот аргумент, что суд вынес решение о лишении свободы (Моксон и др., 1992: 14). Компенсация должна уплачиваться в адрес суда, поэтому все выглядит скорее как уплата штрафа, нежели как выплата компенсации человеку, которому нанесен ущерб, а суды очень нерегулярны в своих усилиях по ускорению задержки платежей.

Решение, которое предложила Служба поддержки жертв, состоит в том, что суд обязан выплатить компенсацию в полном объеме, и затем уже получить ее сумму с преступника. Такая идея подвергалась критике: люди спрашивали, почему суд должен, по сути, одалживать преступнику деньги. Но эта точка зрения — как это часто бывает — основывается на подходе, который сфокусирован на преступнике. Я бы поставил вопрос по-другому: «Если преступник не может сразу уплатить полную сумму компенсации, почему жертва должна от этого страдать? Не справедливо ли будет, если общество поможет жертве, взяв на себя часть затрат?» В некоторых регионах Германии используется иной подход. Там создаются «фонды ресоциализации», за счет средств, к примеру, частных доноров, или штрафов, налагаемых прокуратурой, и именно из них выплачивается компенсация. Кроме того, если у преступника есть финансовые проблемы, проводятся переговоры с кредиторами, такими как газовыми и электрическими компаниями, а также организациями, в которых преступник что-либо приобретал в кредит, с тем, чтобы они согласились на то, чтобы принять средства не в полном объеме — ведь в противном случае преступника могут отправить в тюрьму, и он вовсе не сможет ничего заплатить. После этого преступник возвращает деньги фонду, причем он испытывает моральное давление — поскольку ему говорят, что если он не уплатит эти деньги, то в будущем кто-то еще недополучит их. Есть и еще один, вероятно, более сильный фактор давления — перспектива исполнения отсроченного приговора. Сообщается о том, что процент возврата средств очень высок, хотя, говорят, фонд дает деньги только тем, для кого рассчитанный риск невысок, так что преступники с высоким расчетным риском и их жертвы могут ничего не получить по этой программе. Понятно также, что эти проблемы более остро стоят в районах с высоким уровнем безработицы. В Квинси, Массачусетс, схема «Earn-It» («Заработай») применяется для того, чтобы побудить местных работодателей к предоставлению рабочих мест на короткий срок, для того, чтобы преступники могли выплатить компенсацию. Однако когда такую схему предложили в Англии (Райт, 1983), реакция была: «А почему это преступники должны получать работу вне очереди?»

Жертвы и освобождение преступников

Один из путей признания потребностей жертв в «Хартии жертв преступления» является положение, относящееся к освобождению преступников, о чем уже упомянул Инспектор службы пробации (с. 76). Многие жертвы насилия не знают, когда преступник выйдет на свободу, и боятся того, что может произойти, когда это случится — в особенности, если они являются знакомыми или родственниками. Некоторые из них сообщали Службе поддержки жертв об испытанном ими страхе или гневе, когда они встречали своего обидчика, пребывая в уверенности, что тот все еще в тюрьме. В некоторых случаях преступник меняется к лучшему за время заключения и ему удается убедить в этом жертву, в других случаях он может сам испытывать страх и тревогу по поводу того, как его примут после возвращения. В «Хартии жертв преступления» говорится, что если преступник приговорен к пожизненному заключению (т. е. к неопределенному сроку заключения, по окончании которого он освобождается и пребывает под надзором полиции до конца жизни) или к фиксированному сроку заключения за тяжкое насильственное или половое преступление, служба пробации обязана связаться с жертвой или ее родственниками в течение двух месяцев после вынесения приговора и спросить о том, хотят ли они получать информацию о дате освобождения преступника. Служба пробации также обязана принять во внимание пожелания и опасения потерпевшего при планировании мер контроля после освобождения преступника. Жертвы никак не могут воздействовать на срок заключения, которое отбывает заключенный, а в Великобритании признано, что они и не должны иметь такой возможности, однако их пожелания могут учитываться, например, при вынесении решений об ограничении передвижения преступника в районе, где проживает жертва или при выборе его места жительства после освобождения.

Инспекторы службы пробации, тем временем, обнаружили, что работа с жертвами преступления — незнакомое и непривычное занятие и некоторые жертвы и члены их семей не хотят, чтобы их посещал сотрудник, который, как они считают, представляет интересы преступника. Как минимум в одном районе, Западном Йоркшире, с потерпевшими общаются подготовленные медиаторы из службы медиации «жертва-преступник», которые привыкли к нейтральному общению, как с жертвами, так и с преступниками. Во время таких посещений, они не пропагандируют идею медиации, но если жертва спонтанно говорит, что хотела бы пообщаться с преступником, или если у нее есть вопросы, на которые она бы хотела получить ответ, дознаватель-медиатор относится к этому с пониманием и предлагает устроить медиацию, с личным контактом или через посредника (Джонсон, 1994: 38-39; Лидс, служба работы с жертвами и преступниками). Во многих случаях и жертва и преступник остаются враждебными, что естественно, но система, по крайней мере, должна позволить жертве рассказать преступнику о том, как повлияло на нее преступление, а преступник должен иметь возможность высказать или выразить иным способом свои сожаления, если он жалеет о случившемся. Лучше всего сделать это вне судебной системы. К сожалению, до настоящего времени такая возможность реализуется лишь в нескольких регионах, а это, как я считаю, большое упущение.

В некоторых штатах США жертвы наиболее тяжких преступлений (или их родственники), включая преступления, в которых есть погибшие из-за управления автомобилем в состоянии алкогольного опьянения или вооруженного ограбления, имеют право встретиться с преступниками после того, как они отправляются в тюрьму для отбытия наказания. После долгой и тщательной подготовки жертвы и преступники встречаются, и затем обычно оказывается, что такое общение дает им более глубокое понимание друг друга. В некоторых случаях преступники оказывались в камере смертников (вряд ли это можно назвать восстановительным результатом), но даже в таких случаях диалог между ними и их жертвами часто бывал полезным для обеих сторон (Умбрайт, 1995).

Еще два изменения — это «горячая линия» помощи жертвам, которых заключенные встретили «в штыхы», она была открыта правительством в 1994 году. Служба помощи жертвам получила государственное финансирование для открытия национальной телефонной линии помощи всем жертвам преступлений, которая начала работу в феврале 1998 года.

Информация, которая поступает от жертв в суды: проблематичная реформа

Можно сказать, что эти и другие реформы делают систему менее болезненной, хотя все они, естественно, могут быть усовершенствованы — я уже говорил об этом. В особенности это касается передачи информации жертвам и отношении к ним в судах. Но какая информация должна поступать от жертвы в суд? Это может быть информация, которая имеет отношение к опыту жертвы, который накоплен ей в ходе участия в процессе уголовного судопроизводства, но эту информацию могут использовать в своих целях люди, которые утверждают, что жертвы преступлений получают выгоду от жесткой политики в отношении вынесения приговоров преступникам. Служба поддержки жертв в Британии всегда занимала твердую позицию запрета на комментарии по поводу приговоров, за исключением компенсации, которая имеет непо-

средственное значение для жертвы. Что касается процедур в зале суда, Служба постоянно информировала потерпевших о правах ответчика. Как уже отмечалось в докладе Политика, с точки зрения жертвы, несправедливое осуждение (осуждение не того человека) является такой же серьезной ошибкой, как и несправедливое оправдание, потому что в обоих случаях преступник остается безнаказанным.

В других странах предлагались сравнимые альтернативы. В США, к примеру, в 1982 году был принят Закон о защите жертв и свидетелей преступлений. В Новой Зеландии, Закон о жертвах преступлений от 1987 года заложил похожие принципы для работы с жертвами преступлений; обзор агентств, занимающихся работой с потерпевшими, который был проведен через несколько лет после этого, показал, что мнения по поводу успешности его воплощения в практику расходятся (Ли и Сиэрл, 1993).

Заявления жертв преступлений

Когда эти организации начали свою работу, чтобы дать возможность жертвам преступлений во всеулышанье рассказать о своих проблемах, оказалось, что потерпевшие хотят, чтобы их боль и страдания были приняты во внимание в процессе уголовного судопроизводства. Один из способов это сделать заключается в том, чтобы составить «заявление жертвы о последствиях» (VIS), широко освещенным примером которого стало заявление Деборы Эппен, сделанное после осуждения Луизы Вудворд за умышленное убийство (позднее судья Гиллер Зобель смягчил категорию преступления до неумышленного убийства) ее восьмимесячного сына Мэтью (*Guardian* и др., 1, 11 ноября 1997). Но когда и как должно делаться такое заявление и следует ли жертве позволять высказывать конкретное мнение о приговоре? Мне кажется, что в существующей системе нет правильного ответа на некоторые из этих вопросов, и я попытаюсь объяснить почему. Но сначала я обрисую существующие аргументы и современное положение вещей.

С первого взгляда все существующие проблемы кажутся не более чем досадным упущением, которое можно исправить уже сейчас. Но ведь если гражданин А заявляет о том, что он стал жертвой ограбления или нападения, и обвинения предъявлены гражданину Б, то, по законодательству Англии и США, гражданин А не является одной из главных сторон в данном уголовном деле. Его могут вызвать в качестве свидетеля, а могут и не вызвать — если Б признает свою вину. Поэтому у А нет никакой возможности публично заявить о том, какое воздействие на него оказало преступление. Если в результате нападения гибнет человек, его родственники не имеют возможности рассказать о нем, и о том, какую потерю они пережили (хотя в коронерском суде, функция которого заключается только в признании факта смерти, некоторые коронеры дают возможность сделать подобное заявление. Поэтому, не будет ли справедливым и гуманным дать жертве право — как предлагала Специальная рабочая группа по вопросам, связанным с жертвами преступления, созданная при Президенте США, в 1982 году — «присутствовать на всех основных этапах судебного разбирательства и быть услышанной»? Организация Объединенных Наций (несмотря на оговорки, на которых настаивала Великобритания) приняла в 1985 году «Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью». В ней, в частности, рекомендовалось «позволить жертвам высказать свое мнение и рассказать о тревожащих их вещах, на соответствующих этапах судебного разбирательства, затрагивающих их интересы, без ущерба для обвиняемого (цитата Райта, 1995).

Прежде, чем прокомментировать вышесказанное, следует сделать паузу и спросить, для начала, что такое «быть услышанными» и что значит «высказать свое мнение и рассказать о тревожащих их вещах». Практически во всех штатах в США (за исключением двух, согласно Элиасу, 1993: 93) и в других странах, таких как Канада, Новая Зеландия и Австралия, жертвам теперь разрешают делать письменные «заявления потерпевшего о воздействии преступления» в суде. Некоторые идут еще дальше, давая «право выступления», т. е. право устного заявления в зале суда. Департамент Юстиции США (са. 1997) считает это «практикой восстановительного правосудия». Бывает даже, что жертве предлагают высказаться по поводу того, каким, по ее мнению, должен быть приговор (это делается в 35 штатах, Элиас, там же). Во-вторых, давайте подумаем, какой эффект возымеет все это? Для жертвы это может быть катарсисом, она почувствует, что все почувствовали и признали причиненную ей боль, а это восполнит одно из упущений в процессе уголовного судопроизводства. Но является ли зал суда подходящим местом для этого, и должны ли эти высказывания оказывать воздействие на приговор?

Здесь вопрос еще более усложняется. Приговор традиционно основывается на том ущербе, который преступник собирался причинить. В его формировании участвуют и другие факторы — Судья расскажет об этом в своем докладе. Если заявление жертвы преступления о степени причиненного ущерба будет рассматриваться как еще один фактор в формировании приговора, это будет новым принципом, который включится в систему уголовного судопроизводства. Покойный Лорд — Главный Судья Англии, Лорд Тейлор предложил включить оценку ущерба, нанесенного преступлением в уголовное дело и «если это возможно, включить затем в материалы судебного слушания, которые представляются на рассмотрение су-

дье перед вынесением приговора» (Тейлор, 1996: 8, Guardian, 13 апреля 1996). Но, при всем уважении (как говорят юристы), начинаешь задумываться, подумал ли почтенный лорд об импликациях сказанного, например, в том, что касается «если возможно» — а когда, собственно, это возможно? Сам лорд Тейлор отметил, что, как указывает Служба поддержки жертв, потерпевшего впоследствии могут подвергнуть перекрестному допросу, чтобы убедиться, что он не «раздувает» ситуацию. Агентства по защите жертв преступления в Новой Зеландии считают, что потерпевшие могут бояться мести преступника, потому что он прочитает их заявление. Также возникали дискуссии по поводу того, кто может помогать жертве составлять такое заявление и делаются ли эти заявления так часто, как следует. (Ли и Сиэрл, 1993: 12, 42). Участие в процессе может быть необходимым элементом заживления душевных ран, преимущества такого участия могут перевешивать недостатки, но, в результате, некоторые потерпевшие испытывают разочарование, потому что они надеялись, что смогут повлиять на результат судебного процесса, а в итоге этого не произошло Эрез, 1991: 694; 1994: 24). Изменения сами по себе не обязательно плохи, действительно, можно было бы использовать нанесенный ущерб в качестве критерия (вместо ущерба, который намеревался нанести преступник). Но использовать его в дополнение ко всем прочим критериям — значит усложнить и без того запутанную систему, которая используется для определения приговора. Станет еще труднее выносить справедливые приговоры и убеждать окружающих в том, что такие приговоры действительно справедливы. Далее: преступник сделал то, что сделал — и не более. Следует ли ужесточать или смягчать наказание, в зависимости от того, в какой степени оно повлияло на жертву? Судебный комитет по делам жертв отметил, однако, что если бы приговоры выносились в соответствии с восстановительной моделью, такая информация была бы крайне важной, потому что восстановление эмоциональной стабильности и финансового статуса жертвы было бы главным приоритетом (Министерство юстиции, 1998: 89). Конечно, я вторгаюсь в область компетенции Судьи, но я хочу показать, что в Британии, работники службы поддержки жертв, по крайней мере, знают о существующей проблеме.

Одна из причин для составления заявления со стороны жертвы состоит в том, что потерпевшему становится легче от того, что кто-то выслушает их и узнает об их чувствах. Но действительно ли высока вероятность воздействия таких заявлений на приговор, пусть даже непреднамеренного? Одно небольшое исследование указывает на то, что она довольно высока (в исследовании использовались отчеты, составленные инспекторами службы пробации, но в таких отчетах была информация о том, что испытали жертвы, поэтому воздействие тут приблизительно одинаковое). Двум группам магистратов представили десять вымышленных уголовных дел, которые были составлены на основе реальных фактов. К ним прилагались традиционные отчеты о результатах социального опроса или отчеты, которые подаются перед вынесением приговора (PSR). В них говорилось как об ответственности преступников, так и о воздействии на них их социального положения, а также, содержалась информация об опыте потерпевших. Последний тип отчета (PSR) приводит к обвинительным приговорам в два раза чаще, чем отчет о результатах социального опроса, но такие приговоры часто носят характер репарации, например, в виде общественных работ (Купер и Купер, 1995). Иногда все выглядит так, будто политики используют потерпевших как повод для политических стратегий, которые считаются эффективными для завоевания электората (например, законы, которые вводят более жесткие наказания, но ничего не делают для защиты жертв, получают такие названия как «Закон о предотвращении насилия над детьми» или «Закон Калифорнии о защите детей») (МакШейн и Уильямс, 1992).

Право устного выступления таит в себе еще более серьезный вопрос: должны ли отчаяние, гнев, красноречие, откровенность, театральность, или — а почему бы и нет — прощение, демонстрируемые потерпевшим, оказывать воздействие на приговор? В тех юрисдикциях, где потерпевший имеет право указать на то, какой приговор желателен с его точки зрения, эта дилемма стоит еще более остро. Если суды будут отталкиваться от пожеланий жертв преступления, приговоры будут еще более необъективными, чем теперь — как бы судьи ни старались. В то же время, если суд не примет пожелания жертвы во внимание, потерпевший испытывает чувство глубокого разочарования. Служба поддержки жертв предложила не перекладывать такую ответственность на каждую жертву в отдельности — вместо этого следует проинструктировать судей и других юристов насчет того, какие последствия имеют определенные типы преступлений, после чего они смогут принимать соответствующие решения на основании такого понимания.

Не все жертвы будут рады возможности сделать заявление: в Калифорнии только три процента воспользовались этим правом (Элиас, 1993: 95); но это может быть вызвано тем, что им не было сообщено о таком праве. Возможность должна существовать, даже если пользоваться ей будет незначительное количество людей, за исключением случаев, когда такая возможность ухудшает положение других жертв или приводит к несправедливым действиям по отношению к преступнику. Может статься, что такая возможность приведет не к катарсису, а к задержке психологического выздоровления (Элиас, 1993: 64, 93), а Служба поддержки жертв (1995: 15) заявляет, что многие потерпевшие испытывают тревогу в связи

с возможностью таких высказываний, в особенности, если они связаны с вынесением приговора. Они могут ощущать вину, если в результате их заявления преступника присуждают к более серьезному наказанию, по сравнению с наказанием, которое они сами считают справедливым, а, кроме того, они могут подвергаться угрозам и запугиванию со стороны преступника или его сторонников. Если такие заявления приводят к более жесткому приговору, преступник имеет право оспорить их, и тогда потерпевшему снова приходится давать свидетельские показания. В Новой Зеландии потерпевшие, в особенности — жертвы домашнего насилия, были подавлены и боялись мести преступника, потому что преступник мог увидеть их заявление (Ли и Сиэрл, 1993: 12). Юристы (в Британии) и многие потерпевшие, похоже, согласны с тем, что жертвы не должны иметь права высказываться по поводу вынесения приговора; Профессор Эндрю Эшворт (1993), к примеру, указал на то, что заявление потерпевшего может быть некорректным или не имеющим отношения к делу. Однако, с американской точки зрения (по мнению профессора Эдны Эреза (1999)), заявления потерпевших не влияют на наказание, и должны поощряться, так как имеют терапевтическое воздействие на потерпевших.

В Англии, служба поддержки жертв преступления, как основная организация, представляющая интересы жертв, выступила против использования заявлений потерпевших, по уже упомянутым причинам (Ривз, 1993), но признала, что если суды хотят иметь полную картину дела, они должны получать информацию от потерпевшего. Есть три этапа, помимо этапа вынесения приговора, на которых такая информация может оказаться важной. Во-первых, когда суд принимает решение в отношении содержания преступника под стражей или выпуска его под залог, он должен знать, имеет ли жертва основания бояться повторного преступления — в особенности это справедливо в отношении случаев домашнего насилия. Во-вторых, после того как обвиняемый признан виновным, то в соответствии с «Хартией жертв преступления» обвинение поставит под сомнение заявления, сделанные защитой, с целью смягчения приговора, если такие заявления содержат несправедливую критику в отношении личности жертвы или свидетелей (Королевская прокуратура, 1993). Для этого прокурору потребуется информация о жертве, чтобы доказать, что критика действительно не является справедливой. В-третьих, вне зависимости от приговора, суд должен знать о том, каков ущерб и убытки жертвы, чтобы вынести решение о компенсации. Чтобы обеспечить соответствие таким требованиям, Служба поддержки жертв предложила, чтобы в начале процесса (когда подозреваемому предъявляются обвинения), было сделано «Заявление со стороны потерпевшего». (Иногда его называют «Заявлением о воздействии на потерпевшего», чтобы не путать с заявлениями инспекторов службы пробации, но «Заявление потерпевшего перед началом судебного процесса» — более четкий термин.) Пилотный проект, связанный с использованием Заявления потерпевшего, проводится в шести регионах (в пяти из них одновременно проводится проект One-Stop Shop, о котором я упоминал, как об одной из программ для жертв преступления). В трех из них потерпевших просят заполнять анкеты, а еще в трех, сотрудники полиции составляют заявления на основе предоставленной информации, касающейся компенсации, эмоционального воздействия преступления на потерпевшего, и каких-либо новых угроз безопасности потерпевшего или его опасений. Только 30% потерпевших воспользовались своим правом. Из тех, кто воспользовался таким правом, трое из пяти пожелали рассказать о своих чувствах, некоторые захотели рассказать о них непосредственно преступнику. Несколько меньшее число потерпевших пожелало воздействовать на решение суда в отношении обвинительного приговора или компенсации. Исследователи обнаружили, что «без сомнения, многим жертвам есть что сказать, и что они не могут сделать это в рамках обычного протокола допроса. Когда речь идет о серьезных психологических травмах, жертва редко когда открывается полностью, если не имеет возможности высказаться кому-то лично» (Хойл и др., 1998: 29). Большинство потерпевших были довольны тем, что сделали заявление. Некоторым было приятно, что такое заявление было оглашено в суде, кое-кто еще выказывал недовольство тем, что его заявление прочитано в зале суда не было, а некоторые, наоборот, не хотели его оглашения, потому что они боялись реакции преступника. Исследователи пришли к выводу, что *цель, назначение заявления* необходимо уточнить (с. 46).

Даже у вымытого леопарда остаются пятна

Если все эти усовершенствования внедряются в практику, вы можете задать вопрос: так не движется ли правосудие в сторону принятия мер для обеспечения максимального уважения к жертвам преступления. Ответ будет отрицательным. Причина его — в самой природе существующей системы.

Принято критиковать само утверждение, что эта система является враждебной по сути; но нам надо подумать, почему она является враждебной, и рассмотреть проблемы, которые будут решены, даже если система станет инквизиционной. Государство обвиняет человека в совершении преступления, за которое его, скорее всего, накажут, если вина его будет доказана. Поскольку последствия обвинения — серьезные, здесь имеется множество «встроенных» гарантий. Обвиняемого обычно представляет адвокат, который

является непосредственным «барьером» для личного общения жертвы и преступника. Уровень защиты тут гораздо выше, чем в гражданских делах и адвокат делает все, чтобы добиться оправдания своего клиента, используя любые приемы, или чтобы хотя бы смягчить наказание. Тут заложена и защита от самооговора, хотя уровень такой защиты в Великобритании был недавно понижен, в Законе об уголовном судопроизводстве и охране общественного порядка от 1994 года.

Судья из Новой Зеландии описал некоторые из существующих проблем. Для начала, обвиняемого ставят в неудобное положение, заставляя привыкать к новой для него юридической терминологии и сажая (по крайней мере, в Новой Зеландии и Великобритании) на скамью подсудимых. Его спрашивают, признает ли он свою вину (в английском языке это звучит как «*How do you plead?*», что дословно значит «О чем вы умоляете?», поэтому судья МакЭлреа предлагает отказаться от этого выражения, которое вызывает ассоциации с коленопреклоненным просителем, который молит царственную особу о пощаде); а если обвиняемый не признает себя виновным, это не означает, что он отрицает свою вину, он может просто надеяться на то, что суд не сможет доказать, что его вина — «вне всяких разумных сомнений». Судья МакЭлреа говорит, что это толкает преступников на отрицание ответственности за действие, которые (по мнению его самого или его адвокатов) невозможно доказать. «Конечно же, чем больше судебная система склонна к карательным приговорам, тем больше обвиняемый станет полагаться на презумпцию невиновности и испытывать возможности государства, т. е. отрицать свою вину», в особенности, если последствиями осуждения становятся изоляция, отвержение и разрушение самоуважения (МакЭлреа, 1998). Ничего из этого не соответствует интересам жертвы. В Новой Зеландии, по словам судьи МакЭлреа, вместо указанной терминологии, основанной на виновности, в разбирательствах по делам несовершеннолетних преступников используется концепция конференций семейных групп, которая приветствует взятие на себя ответственности и признает преступления «доказанными». В настоящее время предпринимаются меры для упрощения существующей английской юридической терминологии; возможно, люди, которые занимаются этим, примут вышесказанное во внимание.

Подход юристов к преступлению в чем-то сродни подходу филолога к языку. Юристы рассматривают юридические категории и противоречия в подробностях показаний свидетелей, а не на цепь событий и сеть отношений, которые являются важными событиями в общечеловеческом — но не в юридическом — смысле (особенно если жертва и преступник знакомы). Два криминолога подытожили причины фрустрации жертв преступления следующим образом:

Их роль в зале суда заключается в том, что они являются не более чем «кормом» для «пищеварительной системы» правосудия. Они должны придерживаться голых фактов и не высказывать собственное мнение. Поэтому, в результате, они часто оказываются глубоко неудовлетворенными своим участием в процессе. Для потерпевших и их близких это часто означает, что они безрезультатно призывают к более кровавой «расправе» над преступником. Но когда система дает этим людям «напиться крови», это не решает проблему, потому что ее причина не в кровавости людей — призывы к жесткому наказанию исходят от людей, лишенных полномочий, лишенных права голоса (Брейтвейт и Магфорд, 1994: 148).

Система правосудия отделяет «существенные факты» от всего прочего, отбрасывая эмоциональный фон, который в юридических терминах считается не имеющим отношения к делу, а это приводит к тому, что сам процесс становится для жертвы преступления неактуальным. Это отмечено двумя исследователями из Бристоля, Антонией Кретни и Гвинн Дэвис, которые изучали то, как в судах разбираются дела о насильственных преступлениях. Результатом их работы стал шокирующий отчет о том, как система удовлетворяют собственные потребности, а отнюдь не потребности жертв. Цель не в том, чтобы выяснить «что произошло», в понимании обычного человека, а в том, чтобы установить вину подсудимого в отношении конкретного обвинения. Система также ограничивает какой-либо терапевтический потенциал, который в принципе может иметь судебный процесс. Например, человеку, который потерял глаз в результате нападения человека, ранее отнявшего у него подругу, с которой потерпевший жил 15 лет, не уделили никакого внимания и дело просто застряло в юридических тонкостях, намеренности или непреднамеренности, и суд не смог доказать факт *преступления*, хотя факт *ущерба* ни у кого сомнений не вызывал (Кретни и Дэвис, 1993: 147-149). Одна женщина, ставшая жертвой изнасилования описала ситуацию так: «У меня было такое чувство, что мне не позволяют произнести слова моей роли» (Служба поддержки жертв преступления, 1996b: 33).

Сложность внесения нерадикальных изменений в не реконструированную систему продемонстрирована в эксперименте с заявлениями со стороны жертв, который я только что описал. Хотя они могут использоваться более широко, чем только в рамках вынесения приговора, в этой области их тоже можно применять. Следовательно, подсудимые могут знакомиться с ними, если вина их доказана, а потерпевших могут в связи с ними подвергать перекрестному допросу, а значит, мы снова подходим к одной их не-

устранимых проблем, связанных с Заявлениями потерпевших (VIS и VS). И тот, и другой тип заявления адресованы суду и, следовательно, не достигают цели, к которой стремятся некоторые жертвы преступления — а именно, не позволяют рассказать преступнику о том, какое воздействие на них оказало преступление, не обеспечивают диалога с ним, и не дают потерпевшему возможности лучше понять преступника и причины его действий, а также получить ответы на некоторые вопросы.

Защита и жертва преступления

Существуют и другие причины того, что в традиционной «враждебной» системе заложена тенденция к дурному обращению с жертвами. Адвокат защиты работает в логической последовательности. Во-первых, он может заронить сомнение в умы судей и присяжных в отношении того, совершал ли обвиняемый некие действия в принципе и в насчет того, можно ли их назвать преступлением. Например, в случае с изнасилованием задается вопрос о том, не была ли жертва согласна на половой акт. Здесь задействуются техники — чтобы не сказать «трюки», которые заставляют слова свидетелей и жертвы выглядеть ненадежными и даже неправдивыми. Адвокат защиты может уцепиться, к примеру, за расхождения в словах свидетеля в заявлении и в его выступлении в суде. Это могут быть банальные и незначительные детали, но они должны заронить семя сомнения в сознание присяжных или судей и в отношении более значительных вещей. Такие вещи могут стать очень горьким опытом, особенно для жертв серьезных преступлений, которые знают точно, что говорят правду, но помнят не все детали или просто сбиты с толку постановкой вопросов, которые задают адвокаты защиты, не позволяя потерпевшему своими словами описать случившееся. Иногда все это делается, чтобы вызвать в потерпевшем раздражение, что может подорвать доверие к нему со стороны присяжных (Кретни и Дэвис, 1995: 143, 153). Два мальчика, которые давали показания против двух тинейджеров, которые обвинялись в сексуальном насилии против них, сорвались в истерику на перекрестном допросе, а третьему мальчику, которому было 12 лет, адвокат защиты сказал, что он дрянной мальчишка, который поступил дурно, но пытается взвалить вину за содеянное на кого-то другого. Когда он услышал, что тинейджеры подали апелляцию, и что ему снова придется пройти через все это, он был на грани самоубийства. Его мать почувствовала, что выбор лежит между невозместимым ущербом, который будет нанесен трем мальчикам и отсутствием справедливого наказания (*Guardian*, 30 января, 1998).

Во-вторых, спрашивает защитник, если даже обвиняемый совершил преступное деяние, можно ли как-то извинить его за это, обойдя наказание? Государство дает возможность просить о смягчении наказания, и обычно адвокат так и делает, находя отговорки, приуменьшая серьезность преступления или пытаясь переложить часть вины на потерпевшего — например, рассказывая о том, что жертва вела распутный образ жизни, что она не возражала против направленных на нее действий или что она имеет репутацию нарушителя спокойствия. Тая (имя вымышленное), жертва изнасилования, сказала: «Это было ужасно. Они заставляют тебя почувствовать, что ты сама во всем виновата. Они всячески перекручивают твои слова... Отказываются понимать» (Служба поддержки жертв, 1996b: 45). Можно, конечно, много говорить о том, что адвокаты защиты должны больше знать и лучше понимать чувства потерпевшего, но пока их успех измеряется тем, что им удастся добиться оправдательного приговора или более мягкого наказания, они будут продолжать «перемалывать на мясорубке» свидетелей-потерпевших, потому что это часть игры или, как минимум, неприятная необходимость.

Эти проблемы ярко проявились в 1996 году, когда человек, которого обвиняли в изнасиловании, сам выступал в свою защиту, и использовал эту возможность, чтобы как можно больше подавить жертву, задавая ей различные вопросы на протяжении нескольких дней. Министр внутренних дел Джек Стро, объявил, что он положит этому конец, и правительственная рабочая группа рекомендовала запретить такую практику в делах об изнасиловании и серьезных половых преступлениях. В других случаях суд может своим решением запретить ее, при условии соблюдения гарантий (Межведомственная рабочая группа, 1998: 64-67). Закон о правосудии для несовершеннолетних и о свидетельствах преступлений от 1999 года тоже обращается к этой проблеме. Возможно, это были садисты, которые повели бы себя точно так же в любой другой системе, но существующая система увеличивает вероятность того, что обвиняемый будет воспринимать жертву, как врага, которого нужно поразить. Если же они способны понять последствия их действий на другого человека, система ничего не делает для поощрения такого понимания. Некоторые утверждают, что такие болезненные эпизоды можно предотвратить, например, заставив обвиняемого вести свое дело через адвоката; однако это ничего не даст для сужения пропасти непонимания между двумя людьми, а адвокаты защиты тоже способны — несколько иным способом — причинять боль и фрустрацию свидетелям-жертвам.

Обвинение и жертва преступления

Судебные органы, такие как прокуратура, имеют собственные соображения, которые не обязательно

совпадают с интересами потерпевшего, они измеряют успех своей работы, например, число обвинительных приговоров, в то время как потерпевшие могут стремиться к отомщению или к признанию другими людьми их страданий. Поскольку добиться обвинения сложно (и этот процесс отнимает много времени), практика переговоров по обвинениям распространилась повсеместно. Преступник может избежать более серьезного наказания, если признает себя виновным в менее тяжком преступлении, максимальное наказание за которое — ниже того, которое он может получить. Хотя потерпевших могут освободить от неприятной процедуры дачи показаний, они часто бывают недовольны тем, что преступление практически не описывается в суде и, следовательно, чувства жертвы остаются непризнанными (Кретни и Дэвис, 1995). Прокуратура и суды, однако, приветствуют признание вины преступниками, потому что без него они не смогут закрывать уголовные дела. Королевская прокуратура начинает объяснять причины таких решений, но это дает лишь слабое утешение жертвам.

Для чего нужен процесс?

Все эти традиционные процессы основаны на предположении, что предназначение суда состоит в определении того, совершил ли обвиняемый преступление и следует ли его подвергнуть наказанию. Существует «правильный» результат, т. е. обвиняемый признается либо виновным, либо невиновным. Когда процесс является суровым испытанием для обвиняемого, никто особо против этого не протестует, такой ритуал может считаться частью наказания. (Если обвиняемого оправдают, что ж, значит, ему просто не повезло, что ему пришлось пройти через все это). До 1980-х годов некоторые участники процесса, помимо потерпевших и других свидетелей отмечали, что участие доставило им крайне неприятные минуты. Но дело не ограничивалось неприятными ощущениями — процесс не давал им желательного результата.

Общепринятое мнение заключается в том, что жертвы преступления стремятся к тому, чтобы преступника жестоко покарала, но Британский обзор преступности и другие исследования показывают, что потерпевшие хотят этого не более, чем другие люди (Хаф, Моксон и Льюис, 1987: 128; Хаф и Робертс, 1998: 42). Часто, они выбирают тюремное заключение просто потому, что им ничего не известно о других вариантах, таких, как общественные работы, терапия или реституция (Эрез, 1994: 21). Возражения против излишней мягкости приговора обычно следуют от жертв (или родственников потерпевших) таких преступлений, как неосторожное управление автомобилем, закончившееся гибелью человека, когда приговор основывается на преступном намерении или халатности правонарушителя, в то время как последствия таких намерений совершенно непропорциональны им. Неудовлетворенность процессом заходит куда дальше. В ее основе лежит желание жертв видеть признание серьезности совершенных против них преступлений, в особенности, со стороны преступника. Если преступник признает свою вину или если жертва не была свидетелем преступления (например, квартирной кражи), то она вовсе не участвует в процессе. (Доля обвинительных приговоров в судах магистратов составляет восемь из десяти, а в Королевском Суде — более половины — МВД, 1995). Если потерпевшего вызывают для дачи свидетельских показаний, его показания ограничиваются вопросами, которые задает адвокат. Эти вопросы рассчитаны на выяснение юридических деталей, а не та то, чтобы потерпевший рассказал о своих чувствах. Адвокаты отказываются признать важность события для потерпевшего, не позволяя ему рассказать обо всем своими словами: вместо этого, они задают вопросы закрытого типа, которые даже не могут дать четкого и полного представления о преступлении, как говорят психологи Марк Кеббелл и Стивен Депрез (*Guardian*, 10 сентября 1998). В судах (и коронерских судах), факт смерти близкого человека может не считаться существенным доказательством, например, в делах по обвинению в «неосторожном управлении автомобилем». Горе родственников погибшего под колесами такого «неосторожного водителя» усиливается тем обстоятельством, что суд, похоже, не уделяет должного внимания их утрате (Служба поддержки жертв, 1994: 22).

Но какие бы усовершенствования ни вносились в процесс, есть определенные вещи, для которых он не пригоден. Жертвы нуждаются в том, чтобы их обидчик понял, что он сделал с ними, им нужно подтверждение их права на личную безопасность (Кретни и Дэвис, 1995: 157, 166). Однако процесс не дает возможности жертве общаться с преступником, ни чтобы больше узнать о преступлении, ни чтобы рассмотреть возможность адекватной репарации. Ни жертва, ни преступник не имеют возможности рассказать все своими словами, они могут говорить только в той форме, которая соответствует картине, желательной для адвокатов, и попадает в рамки, в которые они хотят загнать данное дело. Если подсудимый и истец раньше были друзьями, а затем рассорились, они останутся врагами, не сделав ни шажка в сторону взаимопонимания. Мы знаем, что потерпевшие иногда очень нуждаются в таком примирении, а значит, системе, которая не дает им этого сделать, нужно изменить.

Еще одна серьезная причина того, почему, несмотря на реформы, система уголовного судопроизводства по-прежнему создает трудности для жертв преступления, состоит в том, что, вне зависимости от враждебной или инквизиционной сути, она основывается на наказании (хотя, в отношении несовершенно-

нолетних, некоторые европейские страны применяют философию реабилитации/обучения). Конечно, жертвы преступления хотят, чтобы против их обидчика были приняты меры, но чем более карательный характер имеют такие меры, тем сильнее преступник (и его адвокат) будут стремиться избежать ответственности. Поэтому адвокат защиты и прибегает к тем средствам, о которых я рассказывал. Дилемма наиболее остро стоит для детей и женщин, которые стали жертвой насилия и хотят, чтобы оно не повторялось, но не согласны на то, чтобы преступника лишали свободы, потому, к примеру, что они любят его, несмотря ни на что или просто потому, что он является кормильцем семьи. Однако все прочие потенциальные решения отсекаются с самого начала за счет того, что все основывается на наказании преступника в форме тюремного заключения. Все усовершенствования в виде пакетов информации, предоставляемых для детей-свидетелей, возможности давать показания из-за ширмы или по системе внутренней телевизионной связи, а также все прочие меры не снимают эту основную проблему. Я не говорю, что преступников, виновных в насилии, нельзя ни в коем случае сажать в тюрьму, и, конечно, некоторые из них будут отрицать свою вину, даже если система будет менее угрожающей. Однако есть и другие возможные пути защитить детей и членов семьи, как уже упоминал Инспектор службы пробации. Если бы они использовались, некоторым детям было бы легче заявлять о злоупотреблениях и принимать участие в процессе, а некоторые семьи могли бы восстанавливаться, а не разваливаться на части, как это происходит при существующем положении вещей.

Некоторые авторы, такие как американец Роберт Элиас, считают, что за всем этим стоит политика, которая далеко не всегда отвечает интересам жертв преступления. Политика жестких мер не работает, а, следовательно, не отвечает интересам потерпевших, и война, объявленная преступности во многом сродни гражданской войне. Но политики полагают, что эти идеи легко представить в виде четких фраз и формулировок, поэтому они сыплют обещаниями во имя жертв преступлений, которые, в результате, становятся жертвами снова и снова. Легче всего сломить наименее серьезных преступников, которые обычно находятся в самом невыгодном положении. Прочее всего создать впечатление, что большинство потерпевших — женщины, пожилые люди или невинные овечки, хотя на самом деле, большинство из них — молодые мужчины, многие из которых сами замешаны в нечистых делах. Помощь жертвам и государственная компенсация и даже тюрьмы обходятся дешевле, чем комплексная социальная политика, которая могла бы «жестко работать против причин преступности», как говорит новая лейбористская партия в Великобритании. Прочие меры, такие как прием заявлений о воздействии на потерпевших, и мероприятия, закрепленные в Хартии жертв преступления, обходятся недорого, в особенности если организации, которые заняты их осуществлением, не получают дополнительного финансирования и если не предусмотрен механизм возмещения в случае несоблюдения стандартов. Некоторые из них в той же мере ориентированы на то, чтобы подтолкнуть потерпевших к сотрудничеству в процессе уголовного судопроизводства, что и на оказание им помощи (МакШейн и Уильямс, 1992; Элиас, 1993). Такая манипуляция может не выглядеть столь же вопиющей в других странах, таких как США, но, тем не менее, следует опасаться политиков, сулящих блага жертвам преступлений.

Еще один фактор оставался неизменным, несмотря на реформы в отношении к потерпевшим в процессе уголовного судопроизводства. Это средства массовой информации. Они, конечно, на стороне жертв — а разве не все мы на их стороне? — но это не меняет дела, они так же причиняют неприятности жертвам и их родственникам, докучают им, называют фамилии женщин, ставших жертвами изнасилования (правда, теперь это уже запрещено законодательно, но они все равно стараются найти лазейки), и оживляют болезненные воспоминания, пересказывая, ради развлечения, истории ужасных преступлений. Они также публикуют характеристики жертв со слов их обидчиков, которые требуют смягчения наказания, не проверяя истинности таких описаний и не задумываясь о воздействии таких характеристик на потерпевших и их семьи (Служба поддержки жертв, 1996а). Я говорю о Великобритании, в некоторых европейских странах, в особенности, в Швеции, журналистский кодекс не позволяет называть фамилии жертв и преступников, и, кстати, ничто не говорит о том, что это наносит ущерб общественным интересам или уменьшает тиражи газет. Изменения в системе не обязательно поменяют способ извещения о преступлениях, но, если заголовки газет изменятся с чего-то вроде «Судья сажает злобное чудовище за решетку» на «Преступник сожалеет о насильственных действиях и согласен на прохождение курса психологической помощи», с комментариями, поясняющими, что преступник в детстве и сам был жертвой насилия, и что он согласился на психологическую коррекцию, чтобы не допустить повторения насилия над его собственными детьми, возникает надежда, что, в конце концов, изменится общий стиль подачи информации в прессе. Акцентировать и раздувать преступления (особенно, насильственные) выгодно как для прессы, так и для политиков, и даже некоторых организаций, поддерживающих жертв преступления, в Британии, однако, Служба поддержки включила в число своих задач уменьшение фактора страха, а, следовательно, старается не представлять информацию в таком виде.

Выслушать жертву — за пределами зала суда

Как нам решить эту дилемму? Наша система не рассчитана ни на потребности потерпевших, ни на потребности преступника, за исключением некоторых случаев, когда имели место реабилитационные намерения, а теперь она старается стать более дружественной к жертвам. В некоторых смыслах система работает успешно, как мы видели, но во многом ее ориентация на жесткие меры наказания делает выполнение такой задачи сложным или невозможным заданием. Система базируется на «боевой модели», в основе ее — битва, в которой можно победить или потерпеть поражение, и наказание, которого большинство преступников стремится избежать любым способом, прибегая к любым методам — от процедурных уловок до крайних форм насилия. Вместо этого мы могли бы воспользоваться «семейной моделью»: если один из членов семьи причиняет вред другому, нормальной реакцией является попытка найти способ исправить ситуацию таким образом, чтобы члены семьи могли продолжать жить вместе. Такой анализ не означает, что систему нужно или, вообще, возможно взять и отменить в одночасье, да и не стоит думать, что если бы ее отменили, преступники сразу же изменили бы свое поведение.

Однако все указывает на то, что мы можем попробовать новый подход и посмотреть, к чему это нас приведет, причем, начинать нужно не с системы и попыток ее модификации, а с потерпевших и их потребностей. Я понимаю, что они не могут автоматически получить все, чего им хотелось бы, потому что существуют и другие соображения, но жертва — это человек, который пострадал или, по меньшей мере, испытал серьезные неудобства в результате преступления, поэтому стоило бы взять потребности такого человека за отправную точку. И еще, я хочу отметить, что лучше всего такие потребности могут быть удовлетворены вне официальной системы, а, следовательно, пусть реформы и действительно необходимы, мы должны приложить основные усилия и использовать воображение для разработки параллельного процесса, в котором не будет проблем, которые неизбежно присутствуют в традиционной правосудии. Позже, Медиатор будет говорить об этом с точки зрения медиации. Я же рассматриваю это с точки зрения опыта участия жертвы в процессе уголовного судопроизводства.

Потребности жертв

Одна из представительниц Службы поддержки жертв преступлений, Тереза Рейнолдс, перечислила те вещи, к которым стремятся потерпевшие (Рейнолдс, 1997). Первая группа потребностей состоит из тех вещей, которые, якобы, обеспечивает как традиционная система, так и медиация: деликатное и уважительное отношение, знание и понимание того, что происходит в рамках данного дела, публичное признание причиненного зла, а также ощущение того, что весь процесс стоит вложенного в него труда. Некоторые также хотят получить компенсацию. Большинство из этих вещей было рассмотрено в рамках Хартии жертв преступлений и других недавних инициатив, которые я описал. Как я уже говорил, ситуация здесь налаживается, но сделать нужно еще очень и очень много. Система уголовного судопроизводства начинает протягивать руку помощи жертвам, но некоторые утверждают, что восстановительное правосудие может помочь им более эффективно, и я с нетерпением жду рассказа Медиатора, о том, как он себе это представляет.

Жертвы также хотят, чтобы по их делу решение принималось без проволочек, говорит Рейнолдс. Они хотят, чтобы их выслушали и приняли всерьез, они также хотят получить ответ на вопрос: «Почему это случилось со мной?» Некоторые также хотят, чтобы преступник извинился перед ними. В существующей ситуации, рассмотрение дела вне системы уголовного судопроизводства означает более быстрое решение по делу (по сравнению с рассмотрением его в суде), а, кроме того, чем больше дел рассматривается во внесудебных организациях, тем больше сокращается очередь дел, ожидающих рассмотрения в суде. Что касается прочих пунктов, следует сказать, что потерпевших часто не слушают в суде вовсе, либо такое слушание ограничивается ответами на конкретные задаваемые вопросы, как мы уже знаем. Если бы потерпевшим давали возможность делать заявления в суде, это вызвало бы осложнения в плане определения наказания для преступника, и в любом случае, в суде невозможен диалог между преступником и жертвой, отсутствует возможность ответить на простые человеческие вопросы, такие как «Почему вы выбрали в качестве жертвы именно меня?» или просто выслушать извинения или предложения репарации. Сама структура суда и существующие процедуры не дают возможности это сделать.

Прочие потребности потерпевших включают помощь в отношении практических/эмоциональных последствий преступления, а также гарантии от повторения преступления. Служба поддержки жертв преступления в Великобритании предлагает практическую и эмоциональную помощь, но не финансовую поддержку, за которой люди должны обращаться к социальным или благотворительным организациям (выплата компенсации — как со стороны государства, так и от благотворительных организаций — долгий процесс). Немецкий партнер британской службы, организация «Белое кольцо», оказывает поддержку во многих делах. Для некоторых людей предоставленная возможность общения помогает в процессе восста-

новлення психологического равновесия, помогает оставить инцидент в прошлом, а кое-кто настаивает на том, что жертва имеет право активного участия в процессе (Моуби и Уоклэйт, 1994: 191). Служба поддержки жертв, однако, настаивает, что большинство не хочет принимать непосредственного участия в отношении определения судьбы преступников. Исследования, проведенные в США, показали, что процент потерпевших, которые боятся снова стать жертвами того же преступника, уменьшается с 23% (до медиации) до 10% (после) (Умбрайт и Коутс, 1992: 12, Умбрайт, 1994: 71). Жертвы преступлений, естественно, озабочены собственной безопасностью, но многие из них также ощущают, что, хотя все, что случилось с ними, никак не отменить, они хотели бы иметь возможность попытаться убедить преступника не поступать так в будущем. Как сказала Тереза Рейнолдс, есть люди, стремящиеся к справедливому возмездию, но часто ими движет желание мести, а возмездие, наказание — лишь способ отомстить, который предлагает система. Исследователи обнаружили, что люди хотят разоблачения, что «они также говорят о том, что хотели бы, чтобы их обидчик понял, что он сделал с ними». В то время как, в общем, жертвы преступлений говорят о необходимости жестких наказаний для преступников, в частности, в их собственном слушании они проявляют большее понимание (Макгуайр, 1982; Кретни и Дэвис, 1995: 157, 215).

Одна из проблем, возникающих у потерпевших, с которой мне пришлось столкнуться, как социальному работнику, состоит в том, что они боятся снова стать жертвами преступлений, и меня в этом смысле очень впечатляют данные исследований, проведенных в Австралии, которые показывают, что количество потерпевших, которые считают, что могут снова стать жертвой того же преступника, в два раза меньше после конференции «жертва-преступник», чем после судебного процесса (31% против 67%). Кроме того, гораздо больше было число потерпевших, которым преступники после конференции приносили извинения, выплачивали компенсацию или делали и то, и другое. Их больше информируют о ходе дела, и они охотнее посещают встречи и заседания. Из тех, кто принял участие в конференции, 60% вначале испытывали злость в отношении преступников, но только 30% — после конференции. С другой стороны, 23% испытывали сочувствие к преступнику изначально и вдвое больше (43%) — после конференции (Шерман и Стрэнг, 1997).

Очевидно, не все жертвы хотят общаться с преступником таким образом, но таких людей все-таки достаточно много. Кретни и Дэвис (несмотря на тот факт, что они проводили исследование в области насильственных преступлений), также обнаружили, что некоторые люди хотели бы встретиться с обидчиком в присутствии медиатора. Один человек, которого ограбили возле дома, и который после этого боялся выходить на улицу, был непреклонен в своей желаниии встретиться с грабителями и рассказать им о том, какой вред они ему нанесли. Две студентки-медсестры, на которых напал незнакомец с дубинкой, тоже хотели встретиться с преступником, конечно, при условии, что встреча пройдет в безопасных условиях. Данный инцидент был совершенно не спровоцированным, и они хотели узнать, что было его причиной. Еще один молодой человек, которого ограбили, сказал: «Я бы хотел с ним встретиться и спросить его, зачем он это сделал... я хочу объяснить ему, что так поступать нельзя... Я хочу, чтобы он увидел ситуацию с моей точки зрения» (Кретни и Дэвис, 1995: 175-6).

В Новой Зеландии только шесть процентов жертв говорили, что они не хотят встречаться со своим обидчиком (Максвелл и Моррис, 1996: 99). Жертвы не обязательно хотят что-то получить для себя в результате такой встречи. Хотя некоторые приходили на встречу из любопытства, было и много тех, кто испытывали желание попытаться помочь или поддержать юного правонарушителя, многие считали это своим общественным долгом (Максвелл и Моррис, 1993: 81). Они также говорили о двух конкретных полезных вещах, которые являются результатом таких встреч: их голос принимается во внимание при определении дальнейших событий, а кроме того, в результате встречи с преступником и его родственниками лицом к лицу, всегда можно понять и оценить их отношение, больше понять причины преступления и спрогнозировать вероятность повторного преступления (Максвелл и Моррис, 1996: 100). Если столь значительное число людей хотят получить такую возможность, думаю, стоит им ее предоставить, при условии, что их участие будет абсолютно добровольным, а не навязанным кем-то, кто уверен, что это будет для них полезно.

Жертвы и новое законодательство Англии и Уэльса

Опасности, заложенные в новых законах, принятых в Англии и Уэльсе — прямо противоположны. Существует вероятность того, что люди, которые уверены, что такие встречи полезны для преступников, будут навязывать свою точку зрения потерпевшим и подталкивать их к участию в таких встречах. В соответствии с Законом о преступности и беспорядках 1998, репарация может происходить в контексте предупреждения со стороны полиции или судебного приговора, такого как решение о репарации или составление плана действий. Действительно, в рекомендациях МВД выражается надежда на то, что медиация для жертвы и преступника будет полезной для жертвы, но акцент делается все равно на том, какой эффект

это возымеет на преступника. В пилотных схемах, которые были введены в 1998 году, оказывалось столь сильное давление с целью ускорения рассмотрения дел, что жертвы часто не имели достаточно времени, чтобы обдумать свою реакцию, не могли принять участие в процессе обсуждения с преступниками того, каким образом они могут наиболее эффективно сделать что-то для исправления ситуации. Эти разделы Закона применимы только к детям и юным правонарушителям, поэтому изменения никак не затронули жертв, пострадавших от взрослых преступников.

Также вызывают беспокойство некоторые положения Закона о правосудии для несовершеннолетних и о свидетельствах преступлений от 1999 года, который изменил всю английскую систему уголовного судопроизводства для несовершеннолетних. Суды теперь будут должны передавать юных преступников, впервые нарушивших закон, на попечение комиссий по делам несовершеннолетних преступников. Предлагается строить работу таких комиссий по принципу конференций семейных групп, однако в законе отсутствует положение о том, что нужно приглашать на заседания родственников преступника — а ведь именно в этом состоит основная особенность идеи проведения конференций. Но в законе говорится только о том, что комиссия теоретически может допустить участие потерпевшего в таких заседаниях. Так же, как и в случае с решениями о репарации, акцент делается на характере той репарации, которую должен осуществить преступник, а не на ценности, которую может иметь медиация «жертва-преступник» для обеих сторон. Основная задача состоит, как утверждается, в том, чтобы предупредить повторные преступления, поэтому есть причины опасаться того, что упор будет делаться на «конфронтацию» с преступником, а не на интересы жертвы или, в соответствующих обстоятельствах, благополучии ребенка. Очень важным фактором будет обучение фасилитаторов, которые будут работать на заседаниях комиссии. Впрочем, процесс оценки, а также консультации в настоящее время продолжают, так что по-прежнему существует надежда, что эти вопросы будут рассмотрены, а Служба поддержки жертв рекомендует своим членам принять участие в таком рассмотрении (Служба поддержки жертв преступлений, 1999).

ФАКТЫ И СТАТИСТИКА

Государственный Служащий

Как второе издание «Хартии жертв преступления», так и «Национальные стандарты обхождения со свидетелями» были изданы в 1996 году, но исследования, которые были опубликованы в начале 1998 года, показали, что суды магистратов нарушают их положения. Только 54 процента свидетелей приглашались для дачи показаний в день явки в суд. Более трети свидетелей обвинения не получили информации о том, как добраться до здания суда, а половине из них не сказали о том, что делать после того, как они туда доберутся. Еще более остро эта проблема была выражена в отношении свидетелей со стороны защиты. Более четверти свидетелей обвинения и 96 процентов свидетелей защиты не получили листовку «Свидетель в суде». Многим свидетелям просто не доставало информации. Четыре из десяти свидетелей обвинения и защиты были обеспокоены непониманием того, что происходит в суде (Плотникофф и Вулфсон, 1998; см. также Шэпленд и Белл, 1998).

Подобные проблемы встречаются и в Шотландии. Из выборки 139 потерпевших, 55% не получили официальной информации о том, когда их дело будет рассматриваться в суде. Время ожидания в суде составляло свыше трех часов для 32 процентов свидетелей. Две трети тех, кого вызывали в суд, так и не получили возможность дать показания (МакЛеод и др., 1996).

В особенности страдают дети — обзор, проведенный NSPCC показал, что для 75% детей, которые давали показания в суде в связи с предполагаемыми случаями сексуального насилия, опыт участия в судебном процессе оказался настолько травмирующим, что они предпочитали в следующий раз не сообщать о случаях нового насилия, а четверть из них сказала, что процесс дачи показаний был настолько же тягостным, как и сам акт насилия. Их часто ставит в тупик юридическая терминология и процедуры (Браун, 1998). Отчет Инспекции королевской прокуратуры показал, что некоторые Королевские прокуроры ошибочно полагали, что прокуратура имеет право отменить психологическую терапию, которая проводится для смягчения травматических последствий насилия, в случае, если это может «смазать» картину их показаний (Guardian, 30 января 1998).

Компенсация

Максимальная компенсация в большинстве штатов США составляет от 15 до 25 тысяч долларов. В Норвегии она составляет 200 тысяч крон (примерно 15 тысяч фунтов стерлингов); в Швеции — 704 тысячи крон (примерно 50 тысяч фунтов); в Нидерландах 50 тысяч гульденов (примерно 15 тысяч фунтов); а в некоторых странах ограничения отсутствуют (Австрия, Дания, Франция, Германия). В Великобрита-

нии максимальная присуждаемая компенсация составляет 250 тысяч фунтов. В очень серьезных случаях могут быть также дополнительные платежи, например, в связи с потерей заработка или опеки, до 500 тысяч фунтов (СІСА, 1999).

Годовая статистика по Службе поддержки жертв преступлений

В 1996-97 годах Служба поддержки жертв предложила помощь более чем 1,1 миллиона жертв преступлений. Ее отдел поддержки свидетелей оказал помощь примерно 100 тысячам потерпевших, свидетелей и их родственников. Эту работу проводят около 15 тысяч добровольцев и примерно 900 кадровых сотрудников в Англии, Уэльсе и Северной Ирландии (Служба поддержки жертв преступлений, 1997).

Телефонные линии помощи

Телефонная линия помощи службы тюрем предназначена для жертв преступлений и их родственников, они могут позвонить и узнать, не выпускают ли преступника в отпуск домой. Их мнение принимается во внимание, вместе с прочей соответствующей информацией, при принятии окончательного решения о предоставлении такого отпуска. Люди, которые получают письма или телефонные звонки от преступника и которые хотят, чтобы это прекратилось, могут попросить, чтобы такие контакты были прекращены. Номер телефона — 0345 585112.

Телефонная линия для поддержки жертв преступления «Victim Supportline», на которой работают 30 добровольцев, меняясь через каждые 4 часа, работает с 9.00 до 21.00 в будние дни и с 9.00 до 19.00 в выходные и праздники. Номер телефона — 0845 30 30 900.

Исследования отношения жертв преступлений к медиации

Первое серьезное исследование по Службе поддержки жертв было проведено Майком Макгуайром и Клэр Корбетт. В нем приводились данные из Британского обзора преступности за 1984 год (в то время идеи помощи потерпевшим мало освещались в СМИ). Данные указывали на то, что примерно пятьдесят процентов опрошенных потерпевших заявили, что использовали бы возможность встречи, чтобы обсудить, каким образом преступник мог бы компенсировать нанесенный ущерб. Эта цифра была более высокой (от 56 до 67 процентов) для жертв квартирных и иных краж, и несколько ниже (от 29 до 44%) для жертв ограблений и нападений. Еще 20% высказались в пользу внесудебного решения, без личной встречи. Таким образом, примерно семь из десяти человек хотели бы видеть договор о репарации в какой-либо форме. Из них, 30 процентов заявили, что после заключения такого договора не хотели бы, чтобы преступника судили и подвергали наказанию.

Существуют определенные данные, которые свидетельствуют, что когда потерпевший ощущает поддержку, он менее склонен требовать карательных санкций. Одно исследование, которое проводилось в двух группах индивидуально подобранных жертв, для которых последствия преступления были весьма серьезными, показало, что из числа потерпевших, которых посещали сотрудники Службы поддержки жертв, меньшее количество людей были настроены на жесткое наказание, по сравнению с теми, с кем соответствующая работа не проводилась (8% против 46%). Кроме того, они гораздо больше были настроены на медиацию (42% против 12%) по сравнению со второй группой. Первым делом люди хотели узнать о причинах преступления и посмотреть на преступника, узнать, что он собой представляет. Только после подсказки сотрудника, проводившего собеседование, они начинали думать о том, что можно что-то рассказать преступнику, что можно потребовать от него компенсации и сделать так, «чтобы он понял, как на вас подействовало преступление» Макгуайр и Корбетт, 1987: 170, 227-231).

Давние исследования Майка Макгуайра (1982) по поводу квартирных воров и жертв квартирных краж, показали, что люди, которые были склонны утверждать, что квартирные воры достойны жесткого наказания, в отношении «своего» вора были настроены менее кровожадно. Британский обзор преступности 1992 года, напротив, показал, что большее количество людей требуют наказания для «их» квартирного вора, чем для гипотетического, описанного в стандартном случае, а еще большее — для угонщика машины. Авторы полагают, что это вызвано тем, что их личные потери были в обоих случаях большими, чем в описанном стандартном случае (Хаф и Робертс, 1998: 40-41).

ДИСКУССИЯ

О. Да, но только в определенной степени. Такие меры меняют положение вещей к лучшему, вместо того, чтобы усугублять его, но они рассчитаны либо на жертв, либо на преступников, и не рассчитаны на тех и других сразу. В них недостает элемента общения жертвы и преступника, который является «фирмен-

ным знаком» восстановительного правосудия. Без сомнения, Медиатор нам об этом еще расскажет, да и Философу будет что сказать по этому поводу.

В. Что вы думаете о доводах Службы поддержки жертв в пользу того, что жертвы не должны нести ношу ответственности по принятию каких-либо решений в отношении судьбы преступника? Безусловно, некоторые решения, такие как решение заявить о преступлении, просто неизбежны, не так ли?

О. Да, это так. Я думаю, доводы Службы поддержки жертв достаточно разумны, если речь идет, главным образом, о наказании для преступника. Причины этого я объяснил выше. Однако мне кажется совершенно приемлемым участие жертвы в обсуждении репарации, которая имеет на нее непосредственное воздействие, при условии наличия гарантий, обеспечивающих полную добровольность участия и отсутствие давления (которые также должны, конечно, действовать и для преступников). С другой стороны, потерпевшие должны иметь право такого участия, если они изъявляют желание. Я знаю, что профессиональные медиаторы глубоко продумали этот вопрос, и что Медиатору будет, что рассказать в этом отношении.

В. Нет ли риска того, что преступник может угрожать жертве, которая не хочет принимать участие в медиации, потому что в случае ее отказа преступник может получить более суровое наказание?

О. В карательной системе всегда существует риск, что обвиняемый станет запугивать жертву — это часть той цены, которую приходится платить за наказание, как способ решения проблем. Межведомственная рабочая группа при министре внутренних дел (1998) внесла предложения в отношении защиты свидетелей, включая их переселение и смену фамилии и документов, в наиболее серьезных случаях. Если медиация предлагается после вынесения приговора или решения о передаче преступника под контроль других организаций, подобные проблемы не возникают. Если же медиация предлагается на более раннем этапе, медиаторы-профессионалы могут принять различные адекватные меры. В частности, преступнику можно предложить возможность участия в общественных работах, пройти программу групповой терапии для жертв и преступников, если потерпевший отказывается от личного участия. Некоторые медиационные службы предлагают опосредованную медиацию вместо личных встреч, либо возможность участия в медиации представителя потерпевшего, что для многих является приемлемым вариантом. Это все можно осуществить следующим образом: медиатор спрашивает мнение жертвы, в то время как преступнику объясняют, что решение о продолжении процесса медиации будет принимать служба медиации, которая берет на себя ответственность за это, хотя, естественно, она не идет против воли потерпевшего.

В. Вы говорили о медиаторах, чей профессиональный уровень высок. А что насчет остальных?

О. Безусловно, важно, чтобы все службы удовлетворяли соответствующим стандартам. В Британии существует Консорциум восстановительного правосудия, который составил сборник соответствующих стандартов (RJC, 1999). Организация Mediation UK также опубликовала стандарты практики (Mediation UK, 1998). Она имеет специальную систему аккредитации служб медиации и Национальную профессиональную квалификационную систему для медиаторов.

СЕССИЯ 5

СУДЬЯ

Одна из задач английских судей состоит в том, чтобы упорядочивать и резюмировать информацию. Поэтому я начну с того, что подытожу основные утверждения, сделанные другими участниками этого симпозиума, в отношении главных общепринятых задач вынесения приговоров. Я прокомментирую их с юридической точки зрения. Из тех пяти целей, которые обычно указываются, три уже были описаны: это ограничение, индивидуальное сдерживание и реабилитация. Я начну с того, что вкратце рассмотрю их, с точки зрения, которая отлична от точки зрения Сотрудника службы поддержки жертв. Оставшиеся две цели — это общее сдерживание и возмездие, и именно о них я буду говорить большую часть времени.

Психолог говорил о наказании, как мере индивидуального сдерживания, а я расскажу о двух конкретных формах наказания, которые в настоящее время применяются в нашей стране и в других странах. (Я говорю, конечно, как юрист, но мне удалось изучить определенное количество информации о криминологии, и я расскажу вам о некоторых фактах с точки зрения этой научной дисциплины). Я постараюсь объ-

яснить, каким образом судьи сохраняют баланс конфликтующих требований, таких как соответствие, пропорциональность, воздействие преступления на потерпевшего и сострадание к преступнику. В последнее время к этому списку добавился вопрос компенсации, хотя он лежит несколько в другой плоскости, потому что затрагивает не только преступника, но и жертву. Прочие аспекты, связанные с жертвами преступлений, относятся к процедуре, а не к приговору, о них справедливо упомянул Сотрудник службы поддержки жертв, но я буду говорить о приговорах. И, наконец, я расскажу кое-что о том, как мы можем оценить качество работы судей.

Ограничение/пресечение

Основная задача Политика состоит в поддержании общественного порядка. Политики хотят, чтобы уровень преступности был минимальным, поэтому все, конечно, будут приветствовать те положения Закона о преступности и беспорядках, в которых упор делается на превентивные стратегии, которые, по моему мнению, являются единственными эффективными средствами уменьшения преступности. Политики также отвечают за определение принципов, в соответствии с которыми будет проводиться работа с правонарушителями (понятно, что решения по каждому конкретному уголовному делу будут приниматься судами и магистратами). В докладе Политика был освещен, главным образом, один аспект — применение политики сдерживания и устрашения для того, чтобы предотвратить повторные преступления. Было время, когда политики сделали досадную вещь — свели все к одному принципу: «тюрьмы эффективны», ведь тюрьма помогает прервать «цикл» преступной деятельности преступников. Каждый человек, который всерьез задумывался об этом вопросе, понимает, что тут все гораздо сложнее, и я это продемонстрирую. С другой стороны, даже либеральные реформаторы понимают, что в некоторых случаях должен использоваться принцип применения «разумной силы», включая ограничение свободы, в отношении тех людей, которые с большой вероятностью могут снова совершить тяжкие преступления. Проблема тут в том, насколько долго следует держать преступников в заключении и на основе чего принимать решение о времени их освобождения. Я поговорю об этом позже.

Как справедливо отмечалось в выступлении Политика, существуют и другие меры защиты общества от некоторых его членов. Такие меры не предполагают лишения свободы, но политики должны для этого подготовить необходимую законодательную базу, чтобы суды могли принимать решения такого рода, и чтобы соответствующие организации могли исполнять их. Судьи по-прежнему, при этом, принимают решения в отношении продолжительности таких мер, но если человек находится под присмотром общественности, проще оценивать, существует ли еще необходимость в таких ограничениях. Судьи также знают, что даже если причина санкции — чисто превентивная, ее воздействие будет разным для разных людей. Если преступление было совершено по месту работы, такое ограничение может отнять возможность по-прежнему зарабатывать себе на жизнь.

Я полагаю, однако, что в случае с преступниками, не склонными к насилию, выборочные ограничения предпочтительнее полного лишения свободы. И кстати, слово «лишение» здесь, к сожалению, имеет двойной смысл, ведь все знают, что, несмотря на любые усилия со стороны тюремной администрации и персонала, пребывание в заключении часто лишает человека способности вести нормальную жизнь после освобождения, в результате, он оказывается «неспособным эффективно осуществлять жизнедеятельность», как сказал Психолог. Поэтому, необходимы дополнительные мероприятия со стороны инспекторов службы пробации и сотрудников других организаций, а также представителей общественности и простых граждан, которые помогли бы им оправиться после тюрьмы и влиться в общество. (Как вы сможете заметить, я интересуюсь скрытыми смыслами слов!) Понятно, что это — еще одна причина, по которой лишение свободы как мера наказания должна применяться как можно реже.

Индивидуальное сдерживание

Далее, Психолог рассмотрел, в свете научных исследований, применение наказания для сдерживания отдельных преступников и профилактики повторного преступления. Иными словами, он говорил об индивидуальном сдерживании. В его речи мне показались особенно важными два утверждения: во-первых, наказание учит людей тому, чего делать нельзя, но не учит тому, что делать следует; и, во-вторых, наказание работает только при определенных условиях, которые так редко присутствуют в процессе уголовного судопроизводства. Похоже, все сходятся на том, что, если поведение нужно изменить, должна иметься какая-то альтернатива нежелательному поведению, а также, что поощрение более эффективно для формирования поведения, чем наказание. Он также говорил о некоторых специальных вопросах, таких как воздействие стыда, с психологической точки зрения, а я хотела бы добавить несколько криминологических комментариев.

Это должно заставить нас переосмыслить нашу интуитивную веру в эффективность наказания. В настоящее время, однако, у судей нет альтернативы существующей системе. А это ставит перед ними определенные дилеммы. Одна из них — это вопрос о том, насколько продолжительным должно быть наказание, чтобы сдерживать данного конкретного преступника. Возможно, у меня устаревшие представления (а судей в этом часто обвиняют), но я никогда не слышала о психологических тестах, по результатам которых можно было бы сказать: «Для этого преступника срок заключения должен быть N месяцев (лет), а менее длительный срок не позволит удержать его от повторного преступления». Судьи иногда говорят о теории «закрывающейся двери», т. е. для многих людей, звук закрывающейся за ними в первый раз тюремной двери устрашает их в достаточной мере, чтобы удержать от повторного преступления, поэтому нет никакой нужды держать их в заключении более 24 часов — это объясняет некоторые необычно малые сроки заключения в приговорах суда. (Следует сказать, что эта теория привела некоторых судей к тому, что они — совершенно несправедливо — отказывают обвиняемым (вина которых еще не доказана) в праве выйти на свободу, до суда, под залог, потому что они хотят дать им «почувствовать, что такое тюрьма». На практике, нам просто приходится отталкиваться от того, что, если прошлое наказание не удержало человека от совершения повторного преступления, значит, длительность его была недостаточной и, значит, следующий срок должен быть более длительным. Конечно, в действительности, существует множество правил, регулирующих продолжительность наказания, таких, как законодательные ограничения, наложенные Парламентом, и соображения общего сдерживания, о которых я поговорю позже.

Если говорить откровенно, а условия проведения Симпозиума, к счастью, благоприятствуют откровенности, суть данных, оглашенных по решениям апеллиционного суда и их анализ, проделанный профессором Дэвидом Томасом, заключается в следующем вопросе: «Какие приговоры выносились в других подобных обстоятельствах?», а вовсе не в вопросе о том, какой эффект возымеет наказание. Мы не знаем, собирается ли некий квартирный вор Икс вести благочестивую жизнь или он вышел из тюрьмы с мечтой о еще более масштабном ограблении. Может быть, он только и думал о том, как переключиться на махинации с кредитными карточками, а, возможно, он был настроен на честную жизнь, но его сгубила невозможность найти работу, жилье или друзей, не склонных к уголовно-преступному образу жизни. Итак, существующее законодательство — Закон об уголовном судопроизводстве от 1991 года — использует принцип возмездия: все основывается на степени тяжести преступления, с учетом того, что статья 2(2)(b) разрешает более длительные сроки заключения для преступников, совершивших насильственные или половые преступления, если существуют свидетельства того, что преступник может, с высокой степенью вероятности, совершить новые преступления того же типа. Такая «тарифная сетка» преступлений, несмотря на определенные несоответствия, логична, до некоторой степени.

Существует еще одна несправедливость, потому что наказание имеет побочные болезненные эффекты, например, потерю работы преступником или горе в его семье. Но следует ли смягчать наказание для крупного бизнесмена или политика только потому, что они и так потеряли очень многое? Следует ли помещать их в тюрьму открытого типа, поскольку любое заключение оказывает на них более серьезное воздействие, чем на других людей?

Реабилитация

Реабилитация входит в число официальных задач органов, назначающих наказание, уже более столетия, со времени Отчета Глэдстоуна в 1895 году, Инспектор службы пробации уже говорил об этом — и о несовместимости этой задачи с другими целями. Во-первых, сказал он, цель наказания заключается в том, чтобы причинить боль, в то время как реабилитация основана на желании помочь. Во-вторых, степень наказания основана на тяжести преступления, а реабилитация основывается на потребностях преступника. Тут возможны «перегибы» в обе стороны: реабилитация может выражаться в очень серьезном вмешательстве в жизнь человека, совершившего незначительное преступление, а может и применяться в форме такой терапии, которая постороннему человеку покажется чуть ли не наградой. Реабилитация вполне может отвечать интересам общества, если она удерживает преступника от новых преступлений против других людей, но если она не сопровождается каким-то признанием того ущерба, который нанесло преступление, обыватель посчитает, что чего-то в этой картине не хватает. В некоторых случаях нам приходится выбирать между тем, что оптимистично называется «сдерживающим» наказанием и реабилитацией. Такой выбор сам по себе — сложное дело, но еще более он усложняется тем, что мы должны оценивать его справедливость по отношению к другим людям, совершившим подобные преступления, в особенности, если они проходят по тому же уголовному делу. Апелляционный суд тратит много времени на решение этих «головоломок», свидетельство чему можно найти в работе профессора Дэвида Томаса «Существующая практика вынесения приговоров» (1984).

Ведутся споры по поводу эффективности реабилитации, т. е., ее способности убедить преступников вести законопослушную жизнь и дать им такую возможность. Кроме того, ведутся споры, о достаточности

средств, выделяемых на реабилитацию, и об адекватности данных проведенных исследований. Этот вопрос должны оценивать Инспекторы службы пробации, криминологи и другие специалисты. Меня, как судью, интересует тот аспект, что, в то время, как приговоры основываются обычно на тяжести наказания, реабилитация отталкивается от потребностей преступника. Мы, судьи, стараемся уравновесить эти критерии, рассмотрев их в свете обстоятельств каждого конкретного дела. Часто оказывается так, что решение по похожему делу принималось Апелляционным судом, и мы можем применить это решение в своем деле.

Жертвы и уголовное судопроизводство

В-четвертых, мы услышали другую точку зрения, которую представил Сотрудник службы поддержки жертв. Он в первую очередь говорил о процессе уголовного судопроизводства, а во вторую — о репарации, которая причитается потерпевшим. Он подчеркнул, что система уголовного судопроизводства до недавнего времени фокусировалась на собственных приоритетах или на защите прав преступников, уделяя очень мало внимания воздействию преступления на потерпевшего. В последние годы ситуация существенно изменилась к лучшему (хотя некоторые из таких улучшений по-прежнему сомнительны в самой своей сути, например, заявления о воздействии преступления на потерпевшего), но, как отмечалось в его выступлении, определенные трудности заложены в правовой системе, в особенности в системе «враждебного» типа, хотя и «инквизиционная» система во многом привязана к той же юридической логике.

Он отметил, что для потерпевших существуют определенные последствия того, что обвиняемый будет наказан, в случае доказанности его вины. Скорее всего, будет «торг» с целью получения признания вины в менее серьезном преступлении, что не устраивает потерпевшего, так как преуменьшает серьезность совершенного против него преступления. Если торга не происходит, скорее всего, обвиняемый понадеется на удачу и не станет признавать свою вину, а это часто означает, что жертву подвергнут перекрестному допросу во время дачи показаний в суде. Жертвы чувствуют свою ответственность за то, что процесс, который приведет к наказанию, был инициирован ими, а в результате, они часто воздерживаются от подачи заявления в полицию или дачи показаний, либо потому, что чувствуют себя виноватыми, либо из-за боязни репрессалий, связанных с попытками обвиняемого избежать наказания, используя любые методы — от враждебного перекрестного допроса до мести после выхода из тюрьмы.

Сотрудник службы поддержки жертв говорил еще об одной вещи, которая представляет для него серьезный интерес — это репарация, которую должны принимать во внимание судьи, поскольку она оказывает воздействие на определение наказания. Мы также слышали, что существуют разные точки зрения по поводу наиболее эффективного способа донесения существенной информации до судьи. (Что делает судья с этой информацией — это уже другой вопрос, я еще вернусь к нему). Для жертвы, необходимость не просто рассказать о последствиях преступления, но и высказать свое мнение о приговоре, как это делается в некоторых штатах США, означает, что ей придется столкнуться с целым рядом дополнительных проблем.

Решения об отправке на общественные работы также содержит элемент репарации — многие потерпевшие не требуют компенсации, возможно потому, что их ущерб покрывает страховка, а возможно — в связи с тем, что ничто не окупит их потерю, или даже потому, что они не хотят взваливать на преступника бремя платежей, которые ему просто не по карману. Тем не менее, они думают, что преступник должен «дать что-то взамен», а работа на благотворительность или во имя нуждающихся как раз является отличным способом сделать это. Решения об общественных работах требуют согласия преступника, а когда они были введены (в 1972 году), они также основывались на способностях и возможностях преступника, а не на характере преступления и неприятном характере отработки. Недавно принятые положения, однако, ввели требование о том, чтобы работа включала «тяжелый ручной труд», о чем уже упомянул Инспектор службы пробации. Они должны быть «сложными, в том смысле, что они должны требовать значительных физических, эмоциональных или интеллектуальных затрат», с чем мало кто осмелится поспорить, но они также должны сочетать наказание с репарацией и реинтеграцией в сообщество (МВД и др., 1995: 34), так что элемент репарации тут уменьшается.

Я понимаю, что об этике определения наказания будет говорить Философ. Поэтому, я обращаюсь к тем вещам, о которых сказал в начале доклада — к общему сдерживанию и возмездию.

ОБЩЕЕ СДЕРЖИВАНИЕ

Это главное из того, что меня заботит. Идея общего сдерживания по-прежнему имеет множество сторонников, несмотря на дурную репутацию сопутствующей идеи телесного наказания. Но если есть такая вещь, как война против преступности, места телесным наказаниям в ней не должно быть. Концепция общего сдерживания базируется на простом принципе — мы не можем выявить всех нарушителей закона, но мы показательно осуждаем всех, кого удастся поймать, применяя к ним столь пугающие меры наказа-

ния, что даем понять всем прочим: хотя риск быть пойманными невелик, наказание будет столь жестким, что рисковать не стоит. Используя угрозу неприятных последствий в целях сдерживания потенциальных преступников, мы оправдываем применение наказания. Сомнительность эффективности такого метода замечена еще, по крайней мере, с 1660-х годов, когда Джон Баниан написал в книге «Путь пилигрима» о тех, кто «крадет из карманов других людей в присутствии судьи или срезает кошельки прямо в зале суда». Длительное тюремное заключение не остановило самого Баниана, не заставило его отказаться от своей «преступной» деятельности — он продолжал проповедовать непокорность.

Слово «deterrence» (сдерживание, устрашение) произошло от слова «terrege», которое имеет тот же латинский корень, что и слово «terror» (террор, ужас, страх). Было бы неправильно использовать его просто как синоним к слову «предотвращение» или «профилактика». Идея состоит в том, что наказания, которые применяются к осужденным преступникам, напугают других людей и заставит их соблюдать закон. С первого взгляда это кажется самоочевидным, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что это справедливо только наполовину.

Я думаю, что мы должны постоянно напоминать себе — как судьи, которые выносят приговор, так и ученые, составляющие учебники — что наказание не является абстрактным понятием, что оно приносит ужасные изменения в жизнь конкретных людей. Как сказал сэр Уолтер Моберли:

Собственно преступное деяние причинило боль, и в этом заложена его преступность; но не обязательно нужно наказывать, чтобы исправить положение дел. С другой стороны, с наказанием вы неизменно и неизбежно причиняете новую боль. Если только вы не уверены в том, что у наказания будут и полезные последствия, вы сделаете все только хуже. Вы прибавите второе зло к первому. А один плюс один будет два, а никак не ноль. Палач платит убийце той же монетой, повторяя его действие. (Моберли 1968: 45).

Нам надо четко определиться с тем, чем именно мы пытаемся напугать потенциальных преступников. Это может быть перспектива *быть пойманным*, как таковая, или стыд, который станет результатом такой поимки или *боль* в результате собственно наказания. Если речь идет о перспективе поимки, то эту идею существенно подрывает тот факт, что заявления поступают только о небольшом количестве преступлений, я уж не говорю о проценте раскрытых преступлений. Согласно Британскому обзору преступности, заявления в полицию поступают менее чем о половине всех преступлений. Процент раскрытых преступлений равен 4,9%, а обвинительный приговор выносится только по 2% (плюс еще 0,7% получают предупреждение) (МВД, 1995: 25). Более того, конечно же, именно те люди, которые чаще всего совершают преступления, лучше всего знают о том, каковы их шансы избежать поимки. Менее опытные правонарушители часто *переоценивают* вероятность поимки, но, тем не менее, совершают преступления. Есть еще множество тех, кто просто не задумывается о том, поймают ли их — может быть, потому, что им нечего терять, а может быть ввиду того, что совершили свое преступление в запальчивости.

В действительности, чаще всего, люди сообщают о наиболее серьезных преступлениях, по которым процент раскрываемости также наивысший — как потому, что полиция уделяет таким преступлениям больше внимания, так и потому что потерпевший и преступник часто бывают знакомы. Процент раскрываемости убийств равен 88, также раскрывается около трех четвертей половых преступлений и насильственных преступлений против личности. Тем не менее, процент раскрываемости насильственных преступлений, совершенных незнакомыми людьми — таких как ограбление — составляет всего 22% (МВД, 1995: 26).

Таким образом, многие знают, что вероятность наказания для них невелика, либо не придают потенциальному наказанию значения, либо просто не задумываются, совершая преступление. Ко всему этому добавляется ложная информация, подающаяся прессой, которая утверждает, что суды проявляют большую мягкотелость, чем на самом деле. Как говорится в инструкции МВД для судей, определяющих наказание, озаглавленной «Приговор Суда» (1990):

На основе данных проведенных исследований, чаще всего делаются выводы о том, что опасность ареста и осуждения обеспечивает высокую вероятность того, что потенциальный преступник воздержится от правонарушения, в то время как степень тяжести следующего за поимкой наказания имеет слабо выраженный эффект.

Второй способ, который использует система общего сдерживания для того, чтобы воздействовать на поведение человека, связан с эмоцией стыда. Хотя страх — мощная эмоция и его эффект не стоит недооценивать, все же, прежде, чем мы придем к выводу, что наказание, таким образом, эффективно, нам следует задать себе вопрос: чего именно боятся потенциальные преступники? Ведь это не обязательно собственно наказание, часто это — последствия наказания. Например, следствием осуждения является стыд.

Человеку стыдно взглянуть в глаза родным и близким — и наказание уже мало что может добавить к такому чувству стыда. Существуют люди, которые выступают за унижительные наказания — собственно судебный процесс часто называют «церемонией унижения», да и снова появились сторонники возобновления традиции привязывания к позорному столбу — но я не стану больше говорить о стыде, потому что эту тему раскрыл Психолог и, я полагаю, Медиатор также ее затронет.

В-третьих, общее сдерживание нацелено на контроль людей при помощи угрозы боли, которая будет им причинена (я использую этот термин в общем смысле, включая в него и «удар по кошельку», и физическую боль, и частичное или полное ограничение свободы). Психолог рассказал нам о последствиях боли для индивида, я же хочу рассмотреть последствия угрозы той боли, которая может быть причинена отдельному индивиду, для поведения людей в обществе, а также последствия двух конкретных санкций — штрафов и физического наказания. Психолог и Инспектор службы пробации уже привели свои доводы против тюремного заключения.

Политика, которая основывается на сдерживании, может оказывать парадоксальное воздействие. В некоторых случаях потерпевший хотел бы призвать преступника к ответу, но боится, что закон покарает его слишком жестоко. Например, человек поймал соседского сына-подростка на краже или женщина хочет, чтобы муж перестал ее бить, но не хочет, чтобы его посадили. Многие женщины отказываются давать показания в таких ситуациях. Кроме того, отмечалось, что все выглядит еще хуже, если закон обязывает суды выносить приговор о длительном тюремном заключении вследствие того, что преступник ранее совершал и другие преступления. Как сказала баронесса Маллальё в дебатах по законопроекту о преступности и приговорах (а ведь она — опытный адвокат и вовсе не либерально настроенная женщина!):

Часто, жертвы полового насилия, которым приходится давать показания против близких родственников — в особенности это касается детей — в ситуациях, когда жертва все еще испытывает любовь к насильнику или в ситуациях жесткого семейного давления, отказываются давать показания, если в результате таких показаний человеку могут дать пожизненное заключение, в результате чего множеству виновных удастся избежать правосудия (Палата Лордов, 23 мая 1996 года, цитата — Консорциум по делам пенитенциарной системы, 1996:2).

Одной из форм сдерживания, которую некоторые политики находят привлекательной, является запугивание определенных преступников-рецидивистов уточненным для них минимальным сроком заключения, но и здесь есть побочные эффекты. Присяжные могут отказаться от поддержки обвинения: аболиционист сэр Сэмьюэл Ромилли, живший в девятнадцатом веке, приводил в пример уголовные дела, по которым, к примеру, женщина осуждалась за кражу десятифунтовой банкноты, но, поскольку, кража суммы свыше 40 шиллингов (2 фунта) из частного владения считалась тяжким преступлением, присяжные вынесли приговор, в котором говорилось о краже 39 шиллингов, а Лорд Саффилд заявил в Палате Лордов в 1833 году, что у него за 15 лет накопился список из 555 таких дел и что свыше 11 тысяч присяжных являются, таким образом, клятвopреступниками. В последние семь лет, заявил он, только 18 процентов дел о преступлениях малой и средней тяжести привели к оправданию обвиняемого, в то время как процент оправданий по тяжким преступлениям составил 28%, а значит, «десять из каждых 100 человек остались безнаказанными, ведь обычным наказанием за такие преступления является смертная казнь» (Хансард [HL], 2 августа 1833, ст. 279-80). Даже если не говорить о смертной казни, положение о минимальном сроке заключения извращает систему: обвиняемый не имеет стимула признавать свою вину, чтобы получить менее серьезное наказание, таким образом, потерпевший получает дополнительную психологическую травму, будучи вынужденным давать показания в суде. Кроме того, растут судебные издержки, в работе суда возникают проволочки.

Альтернатива состоит в том, чтобы обвиняемый признавал себя виновным в менее тяжком преступлении, к которому не применяется система минимального наказания: это неудовлетворительно для общества и, в особенности, для жертвы, которая знает, что на самом-то деле преступление было куда более тяжким. После того, как преступление совершено, угроза наказания может заставить преступника попытаться спрятать следы преступления, как показал нам Психолог. Полиции хорошо известно об этом — вне зависимости от того, расследует ли она насилие, совершенное бандой преступников или внутреннее нарушение закона одним из офицеров — слишком часто расследование натывается на стену молчания и причина его ясна — свидетели понимают, что их показания могут привести кого-то (или их самих) к наказанию.

Мы знаем, что преступники часто не думают о возможных результатах их действий, и это — один из факторов, которые ухудшают потенциальные результаты сдерживания. С другой стороны, люди, выносящие приговор, тоже часто не осознают последствий избранного ими наказания — и вот об этом говорится гораздо меньше. Также, малоизвестным остается тот факт, что санкции, вместо того, чтобы сдерживать че-

ловека, провоцируют его на действия, а вероятность этого особенно высока, если преступник не признает законность таких санкций и не питает уважения к организации, которая их налагает Брейтвейт, 1998b).

Воздействие общего сдерживания на общество в целом также следует принять во внимание. Многие люди, вероятно даже, большинство людей, предпочли бы жить в обществе, в котором основными цементирующими элементами является доверие, самоконтроль и стимулы, побуждающие к хорошему поведению, а не в обществе, где царит страх, авторитарный контроль и угроза наказания. Конечно, на практике, такое идеальное состояние дел вряд ли будет когда-либо реализовано, но, уж, поскольку у нас есть выбор, мы можем подумать над тем, что наше общество стало бы более приятной и более стабильной средой обитания, если бы мы старались двигаться к такому идеалу, а не в направлении страха и репрессий.

Я говорил об общем сдерживании в общих выражениях, но есть и конкретные соображения в отношении определенных форм наказания. Помимо тюремного заключения, о котором уже рассказал Психолог, два наиболее популярных типа наказания — это штрафы и физические наказания (понятно, что телесные наказания уже давно запрещены законом в большинстве западных стран, но, тем не менее, они часто используются неофициально).

Штрафы

Штрафы говорят людям, что их поведение — незаконно, но не делают ничего, чтобы заставить их подумать о том, *почему* оно незаконно, — например, потому, что оно приносит неудобства или вред другим людям. Если штрафы взимаются за преступления против собственности или преступления, которые относятся к нищенству или проституции, существует совершенно конкретный риск того, что преступник просто совершит еще одно преступление, чтобы добыть деньги для оплаты штрафа. Возможно, было бы полезно помочь такому человеку избавиться от его финансовых трудностей, а не усугублять их. (Существует целая система такой помощи, о ней говорил сотрудник службы помощи жертвам). Сторонники восстановительного правосудия, однако, должны с осторожностью использовать этот аргумент, потому что репарация часто осуществляется в форме платежа наличными, а значит, имеет такое же воздействие на бюджет преступника. Однако, если преступление совершено не из-за нужды, разница состоит в том, на что идут штрафные деньги. Если компания нанесла ущерб окружающей среде, каждый фунт, уплаченный государству, вычитается из той суммы, которую она могла бы потратить на восстановление или улучшение качества воздуха, земли, воды или жизни тех людей, которым она нанесла ущерб.

Более разумным было бы требовать от управления железных дорог или от авиакомпаний тратить деньги на улучшение техники безопасности, отчисляя их из дивидендов, а не налагать на них штрафы.

Физическое наказание

Аргументы против физического наказания могут основываться на правах человека — можно сказать, что люди (также и в детском возрасте) имеют право не подвергаться физическому насилию, как со стороны друг друга, так и со стороны представителей государства. Психолог указан некоторые причины, по которым наказание в целом и физическое наказание в частности могут быть контрпродуктивными. Я рассмотрю это в контексте уголовного судопроизводства, где, несмотря на присутствие сторонников телесных наказаний, руководствующихся сугубо мотивами возмездия («Дайте им почувствовать зло на собственной шкуре»), аргумент, который чаще всего приводится в пользу телесных наказаний, носит чисто рациональный характер: порка или наказание плетьюми, якобы, способствуют сдерживанию преступности. Однако факты свидетельствуют не в пользу сторонников порки. Хотя законы, разрешающие применение телесных наказаний представителями закона, в отношении определенных преступлений, были приняты под давлением различных факторов страха, например, после случаев удушения людей грабителями в 1863 году или после массовой вспышки проституции в 1912 году, суды, взгляды которых не отличались радикальностью, не считали порку эффективной мерой и со временем свели долю таких наказаний к нулю, пока они не были отменены в 1948 году. Государственный Служащий предоставит статистику.

В Великобритании стало практически общепринятой мыслью, что хороший полицейский должен слегка «надрать уши» юным правонарушителям — эта фраза когда-то была использована для описания того, что констебль Кристофер Херст сделал с 16-летним подростком в полицейском участке в Честерфилде. Судьи не могли с этим смириться, на констебля был наложен штраф 200 фунтов, а позднее он был уволен с работы. Тем не менее, цитируются слова одного старшего констебля, который сказал, что «хулиганство не было бы такой проблемой, если бы родители вели более жесткую линию и не упускали бы случая надрать уши своему чаду». Однако, по поводу этого поспешил выступить представитель пресс-службы МВД, который заявил, что констебль, конечно же, не защищает полицейских, которые бьют подростков. (Daily Telegraph, 2 августа 1988). Несколько лет спустя, та же фраза вновь была в новостях: констебль Стив Гаскотт побил подростка, который докучал пенсионерке, стуча в ее дверь и затем удирая. Полицейский уда-

рил чотирнадцятилітнього подростка в нос, его пришлось отвезти в больницу, и когда полиция привезла его домой, его нос по-прежнему кровоточил (*The Times*, 14, 15 июня; *Guardian*, 15, 16 июня 1994). Однако когда суд магистрата присудил 100 фунтов штрафа и 50 фунтов компенсации со стороны констебля Гаскотта, многие представители общественности предложили оплатить этот штраф за него, а один таблоид провел кампанию в защиту полицейского и оскорбил подростка, назвав его «грязноротым недоумком» и «высокомерного» председателя магистрата, леди Сару Райт, обозвав ее «пустоголовой аристократкой». Отец подростка попросил защиты полиции после того, как ему начали звонить с угрозами (*Daily Star*, 15 июня 1994). Очевидно, сторонники законности и порядка собирались последовать примеру констебля Гаскотта, применив насилие против человека, который, по их мнению, плохо воспитывал сына.

Психолог рассказал нам как «дисциплина» может превратиться в насилие, он напомнил нам, что в 1998 году Европейский Суд присудил выплату ущерба в пользу восьмилетнего мальчика, в сумме 10 тысяч фунтов (плюс 20 тысяч фунтов — судебные издержки), в связи с тем, что его регулярно избивал отчим, причем это было не «разумное наказание», а «бесчеловечная или унижительная кара». (*A v. Великобритания*, ЕСПЧ, вестник по правам человека, 23 сентября 1998). Тогдашний министр здравоохранения Британии, Пол Боатенг, признал необходимость изменения законодательства от 1860 года, но, несмотря на призывы 140 организаций по защите детей к полному запрещению телесных наказаний детей, он сказал, что правительство утвердило право родителей «отшлепать ребенка в атмосфере заботы и любви» (*Daily Mail, Daily Telegraph, Guardian, The Times* и т.д., 24 сентября 1998). Он ничего не сказал о праве ребенка не подвергаться избиению даже во имя дисциплины, возможно, потому, что родители имеют право голоса, а дети — нет. Кроме того, он ничего не сказал об обязанности государства сокращать, при помощи законодательных мер и просветительских инициатив, количество насилия в обществе, включая семейное насилие.

Конфликтующие требования, с которыми приходится столкнуться лицу, выносящему приговор

Возвращаясь к юридическим наказаниям, которые в настоящее время используются, позвольте мне на минуту остановиться, чтобы подытожить кое-что. Существует два основных решения, которые судьи обязаны принимать при вынесении решения: они должны определить тип приговора, который будет вынесен, а также его длительность или размеры. Существующая законодательная база, которая применяется в Британии для определения наказания — это Закон об уголовном кодексе, с аннотациями (1991). В нем говорится: «В настоящем Законе не содержится какой-либо краткой декларации философии, целей или принципов» (с. 53-5). Вообще говоря, хотя в законе и нет четкой формулировки (а в законах об уголовном праве она вообще редко встречается!), там говорится, что существует три градации наказания: финансовые санкции, общественные работы и тюремное заключение. Финансовые санкции находятся «внизу списка» (не говоря только о принудительном обеспечении выплат и условном заключении неплательщиков). Далее, суды не должны думать о приговорах, в результате которых человек отправляется на общественные работы (или приговорах к пробации), как о мягком варианте. В Законе говорится, что «преступление должно быть достаточно серьезным, чтобы оправдать такой приговор». Высшая категория — это тюремное заключение, которое я могу применить, только если преступление «столь тяжкое», что в его отношении возможно только применение такой меры как лишение свободы или (в случае с насильственными или половыми преступлениями) если только такая мера может защитить общество от потенциального вреда, который может нанести ему *этот преступник* (иными словами, речь идет не об общем сдерживании, а только об изоляции).

Еще один способ решить, какой принцип следует применить, заключается в том, что судья должен выбрать цель, которая с большой вероятностью может быть достигнута.

Верховный суд г. Виктория, Австралия, сформулировал это так: «если невозможно обеспечить уверенность в том, что приговор гарантирует что-то в плане сдерживания или реабилитации, следует обеспечить хотя бы существенность возмездия» (Комитет по назначению наказаний, г. Виктория, 1988, цитата Уокера, 1991: 126). Таким образом, преступникам, которые считаются поддающимися реабилитации, повезет, если только суд не решит, что для их реабилитации понадобится долгое время и, следовательно, назначит длительный срок. Все прочие преступники могут и не заметить особой разницы между приговорами, нацеленными на сдерживание и приговорами, обеспечивающими возмездие, за исключением тех случаев, когда судья приходит к выводу, что, несмотря на серьезность преступления, сдерживание преступника обеспечить легко. (Из данной цитаты непонятно, имели ли авторы в виду общее сдерживание или частное).

Как долго или сколько?

Немецкое слово, обозначающее приговор, «*Strafzumessung*», отражает общепринятое мнение, что наказание является «точно отмеренным», но это подразумевает точность, которой на самом деле не существует, а английское слово «*sentencing*» (вынесение приговора, определение наказания) учитывает это обстоя-

ятельство. Оно происходит от латинского «sententia», которое означает ничто иное как «мнение»: quod iudices, еще sententiae. Также, очень полезно не забывать, что слово «arbitrary» (случайный, произвольный) происходит от слова «арбитр» и дословно означает «для судьбы». После определения типа приговора судьи должны рассмотреть еще один вопрос (я чуть не сказал, что они должны ответить на этот вопрос, но на самом деле, я полагаю, на этот вопрос ответить невозможно). Вопрос вот какой: предположим, что, несмотря на все это, судья решит, что приговор должен базироваться на принципе общего сдерживания. В таком случае, насколько длительным должен быть приговор или насколько большим должен быть штраф? Как я уже говорил, у нас нет данных исследований, которые помогли бы нам разобраться в этом. И снова у нас возникает конфликт принципов. Предположим на минуту, что приговоры, которые выносятся преступникам, могут сдерживать других преступников, потенциальных. В таком случае, следует сказать, что для устрашения и сдерживания некоторых людей нужны такие наказания, которые будут просто несоразмерны масштабу преступления. Учитывая все эти противоречия, мы, судьи, должны попытаться отыскать рациональную основу. Таким образом, поскольку никто даже отдаленно не представляет себе, что такое «правильный» масштаб устрашения для сдерживания отдельного преступника и поскольку масштаб реабилитации, которая нужна для индивида, никак не связан с тяжестью преступления (во всем диапазоне, от преступлений, совершенных расчетливым и умным преступником до кражи кочана капусты шизофреником), мы обращаемся к другому принципу. Это принцип возмездия, кары или публичного обвинения. Эти два термина несколько различны, потому что один фокусируется на том, чтобы заставить преступника действительно страдать, а второй на том, чтобы продемонстрировать обществу, насколько сильно его заставили страдать, поэтому это может быть чисто церемониальное действие, такое как приговор с отсрочкой исполнения — Уокер, 1978: 396). Тем не менее, и первый и второй элемент этого принципа стремятся обеспечить соответствие степени тяжести совершенного преступления. На первый взгляд это выглядит разумно, но здесь мы имеем еще один вопрос без ответа: какая доля каждой конкретной санкции достаточна для выражения публичного порицания? Каков корректный приговор по серьезному преступлению, которое, к счастью не нанесло жертве большого ущерба (и наоборот)?

Если, с другой стороны, ограничение свободы используется как «политика сдерживания», которая служит для профилактики рецидивизма, следует решить, как долго должно продолжаться такое наказание. Мы должны четко определиться с тем, на каком принципе базируется это решение, но я боюсь, что мы не можем прийти тут к единому мнению. Теоретически, длительность наказания должна базироваться на вероятности совершения повторного преступления, вне зависимости от тяжести совершенного правонарушения. Однако на практике все сводится к тяжести преступления: если оно не очень тяжкое, не стоит защищать общество от него уж слишком надолго. В соответствии с Законом об уголовном судопроизводстве от 1993 года, лица, которые несколько раз осуждались в прошлом, могут получить более длительный срок. Это можно оправдать тем, что чем чаще человек совершал преступления, тем больше вероятность того, что он снова преступит закон, но как юристам нам это не нравится, потому что все выглядит так, будто преступника карают не только за последнее преступления, но и — снова — за все предыдущие, за которые человек уже «расплатился».

Существует два основных варианта: либо судья решает, во время вынесения приговора, как долго подсудимый будет оставаться в заключении, либо он откладывает решение до следующей оценки. Существует два компромиссных метода, которые часто комбинируются: один из них заключается в том, что судья может вынести приговор, который на практике устанавливает минимальный и максимальный срок, в течение которого совет по условно-досрочному осуждению может решить, когда заключенного можно будет освободить, а второй метод заключается в том, что приговор может включать определенный период под наблюдением после освобождения. Если судья устанавливает продолжительность наказания, она, скорее всего, будет определяться на основе ретрибутивных критериев (критериев возмездия) и, практически наверняка, срок будет либо длиннее или короче того, который необходим для защиты общества или реабилитации. Если в этом существует элемент оценки, это означает предсказание поведения в будущем, что, естественно нельзя сделать с высокой точностью, а, кроме того, существует опасность, что советы по условно-досрочному освобождению перестрашуются и оставят слишком многих за решеткой, что будет несправедливо и дорого (или наоборот, «проявят мягкотелость», если они либерально настроены). Превентивное лишение свободы возлагает еще одну моральную обязанность на органы власти, которые должны обеспечить программы — до заключения и после освобождения — которые дадут преступнику максимальный шанс стать экс-преступником, ради него самого и всех других людей. Однако власть часто оказывается неспособной сделать это. Я также не считаю адекватным элемент предсказания будущего, по причинам, о которых упомянул Инспектор службы пробации, говоря об оценке риска: мы не знаем, каким образом поведение человека в тюрьме транслируется на его поведение в обществе, мы также не знаем, с какими условиями ему придется столкнуться: получит ли он работу, имеет ли он семью и друзей, которые его будут поддерживать?

Милосердие

Во многих смыслах, постоянство является достоинством, но гибкость ведь иногда тоже хороша. Вот поэтому судьи так отстаивают свое право поступать на свое усмотрение. Одна из вещей, за которые мы держимся — это право проявлять милосердие. Некоторые мыслители возражали, что в абсолютно справедливой системе милосердие было бы не только не нужным, но и неправильным явлением. Но совершенство нам вряд ли грозит, да и, например, Достоевский выразил иное мнение: «У вас нет милосердия, только правосудие, а значит, вы несправедливы». Апелляционный суд заменял, бывало, тюремное заключение общественными работами, когда молодой человек с уголовным прошлым начинал «строить отношения с разумной, уравновешенной девушкой», которая родила ему ребенка; когда человек резко изменил свой образ жизни после совершения преступления, так что «человек, совершивший преступление и человек, который предстал перед судьей, были двумя разными людьми», когда «все указывает на то, что человек начинает понимать всю меру своей прошлой преступной жизни» и, таким образом «заслуживает снисхождения» (все цитаты из «Современной практики вынесения приговоров», по делам, рассмотренным между 1980 и 1983). Другие преступники заслуживали смягчение приговора за счет того, например, что, выйдя под залог, спасли трех детей из горящего дома, помогли задержать грабителя или подняли тревогу, когда заключенные пытались бежать из микроавтобуса, при перевозке. Я не знаю, что эти примеры скажут логическому уму Философа, но мне, практикующему юристу, кажется вполне разумным и гуманным смягчать правосудие милосердием.

Просьбы жертв о снисхождении к преступникам воспринимаются судами двояко. Апелляционный Суд отказался уменьшить приговор (четыре года лишения свободы) в связи с изнасилованием, совершенным родственником, несмотря на то, что потерпевшая написала, что «молит о снисхождении и признается, что, если бы она знала, что дело закончится таким приговором, то не стала бы подавать заявление». Суд заявил, что «отношение истицы к степени тяжести наказания совершенно не имеет значения для дела». Вот вам и право жертвы быть услышанной. В другом случае, приговор (3 года тюрьмы) был смягчен для секретаря общественного клуба после того, как 440 из 500 членов клуба подписали петицию. Суд сообщи, что «если единственная часть сообщества, которую затронуло преступление, просит о снисхождении, Суд может удовлетворить такую просьбу» (Уокер, 1980: 135-6). Еще в одном случае (Бюллетень Генерального прокурора №18 от 1993 R.v. Кавана) человек, жестоко избивавший своего трехлетнего (неродного) внука, после семейной петиции получил два года условно при условии прохождения курса лечения от алкоголизма, которое дало хорошие результаты. Генеральный прокурор попросил Апелляционный Суд пересмотреть приговор, учитывая его необычную мягкость, но подсудимый и так провел в тюрьме четыре месяца до суда, а, учитывая письма родственников, суд решил не ужесточать наказание («Уголовное право». Ревю. 1994: 467-8).

ВОЗМЕЗДИЕ

Все сводится вот к чему: обычно я заканчиваю тем, что говорю (как та комиссия по назначению наказаний из г. Виктория, которую я сегодня цитировал), что даже если никакие из прочих целей не дают возможности логически обосновать конкретную продолжительность наказания, все равно наказание приходится определять, вне зависимости от того, эффективно оно или нет, и такое наказание будет основываться на каре, или возмездии. Была разработана «тарифная сетка», так сказать «обменный курс», причем в качестве мерки используется тяжесть преступления. Это делается с величайшими предосторожностями; каждый раз, когда возникает новый набор обстоятельств, судья старается интерпретировать его в свете предыдущих приговоров, а если преступник подает апелляцию (или если дело передается Генеральному Прокурору ввиду излишней мягкости приговора), Апелляционный Суд пересматривает его похожим образом, и результаты добавляются в юридические отчеты и учебники для судей, которые смогут использовать эту информацию в будущем.

Продолжительность действия приговора должна быть соизмеримой с тяжестью преступления. Имеется в виду, что тяжесть преступления — единственный критерий (за исключением небольшого числа уголовных дел, в которых вопрос физической защиты общества является важной проблемой). Ранее актуальные вопросы уравнивания наказания по факторам сдерживания и реабилитации теперь уже не являются компонентами искомой формулы. Если они и принимаются во внимание, то лишь как побочные продукты, которые зависят от режима, устанавливаемого тюрьмами, или общественного надзора, хотя в «Белой книге»¹, которая предшествовала принятию Закона об уголовном судопроизводстве от 1991 года, говорилось:

¹ «Белая книга» (официальный правительственный документ; представляется палате общин [House of Commons] для ознакомления; является формой делегированного законодательства. — прим. переводчика.

Образ жизни многих преступников, в особенности, молодых, часто является неорганизованным и импульсивным, в особенности, если они злоупотребляют алкоголем или наркотиками... Каждое решение суда должно подгоняться как к тяжести преступления, так и к характеристикам преступника. Сравнительно короткое наказание может быть более серьезным испытанием для некоторых преступников, в то время, как более жесткое наказание может не возыметь должного эффекта на других (МВД, 1990, параграф 4.9).

Контекст заставляет воспринимать это утверждение, как тезис реабилитационной философии, а особенно, фраза об индивидуальной подгонке, вызывающая ассоциации с индивидуальной подгонкой одежды (что, естественно, выгодно для носящего ее человека) но, в то же время, упоминание о жестком наказании говорит нам, что здесь используется карательная идеология. Идея же того, что более чувствительные души должны наказываться менее серьезно, вряд ли выполнима на практике, поскольку ни чувствительность, ни воздействие наказания измерить невозможно. Кроме того, здесь принимается во внимание воздействие на жертву, что в данном контексте «заслуженного возмездия» может означать только увеличение (уменьшение) тяжести наказания. Помощь жертве в восстановлении после преступления здесь, похоже, также воспринимается как второстепенная вещь. Некоторым людям могут присуждать компенсацию, но вряд ли ее можно получить от заключенного, за исключением тех редких случаев, когда тюрьмы платят приличную зарплату или когда у заключенного есть собственные средства.

Все это мало говорит нам о том, каким образом приговор может быть соизмеримым с определенным типом преступления. Единственное, что из этого ясно — возможность индивидуального подхода к определению наказания. Но даже и это может измениться уже в ближайшие годы. В Англии и Уэльсе процент осужденных за преступления, преследуемые по обвинительному акту, удвоился за период с 1992 по 1996 год (с 5 до 10%), а в Королевском Суде этот процент вырос с 46 до 63%. Средняя продолжительность приговора также выросла для большинства категорий преступлений. Для взрослых преступников мужского пола такая продолжительность увеличилась на 29%, с 1,3 месяца в 1986 году до 23,6 месяца в 1996 (Консорциум по делам пенитенциарной системы, 1997: 8; МВД, 1997 Таблица 7.16). Сам Лорд Главный Судья, лорд Бингэм, несколько раз признавал, что причиной «экспоненциального роста» числа заключенных в последние годы является «устное выражение мнения влиятельных государственных деятелей, о том, что заключение является эффективной мерой наказания». Он считает это причиной для беспокойства, ведущей потенциально чрезмерным и неэффективным мерам наказания. ((NACRO, 1997: 1; 1998: 20). Хотя мы, судьи, независимы, нам не нравится, когда нам говорят, что мы что-то неправильно понимаем и делаем, вне зависимости от того, кто это говорит — политики, СМИ или суд высшей инстанции, поэтому мы часто ошибаемся в приговорах в ту сторону, которая, как нам кажется, поможет нам избежать критики.

Картину еще более «затуманивает» Закон о преступлениях и приговорах от 1997 года, который вынуждает судей приговаривать к пожизненному заключению преступников, повторно совершивших тяжкое половое или насильственное преступление. Мои коллеги высокого ранга решительно возражают против этого. И дело тут не в судьях, которые держатся за свою самостоятельность, дело в том, что это совершенно противоречит принципу «заслуженного возмездия». Что касается мер по защите общества, они должны применяться только в случае крайней необходимости, по соображениям правосудия (мы умолчим об экономических соображениях). Тут могут существовать смягчающие обстоятельства или разумные причины считать, что преступник не будет представлять опасности в будущем, и все же, судьи вынуждены выносить пожизненный приговор (за исключением некоторых крайне редких обстоятельств — маленькая уступка, которую удалось выжать из тогдашнего Министра внутренних дел, Майкла Ховарда). Как сказал также лорд Бингэм, есть серьезные аргументы за то, чтобы позволить судьям пользоваться своим опытом и суждениями не только в этих делах, но и в делах об убийстве, чтобы отражать тонкие нюансы различий между разными уголовными делами (*Guardian*, 8 октября 1998). А если пожизненное заключение все-таки применяется, то судьи, а не политики должны решать, когда преступника можно выпустить на свободу.

Если говорить кратко, можно привести слова одного профессора: «Повсюду, уголовное судопроизводство на удивление мало осознает свои цели... Коммерческое предприятие, которое пребывало бы в таком же незнании, уде давно, вероятно, пошло бы ко дну, и уж точно не могло бы процветать» (Гросс, 1979: 5).

Поэтому я честно признаю, что такой «обменный курс» не является «золотым стандартом», этот курс различен в разных частях страны и еще более отличается в разных странах (Государственный Служащий приведет примеры), а «устойчивой валютой» этого курса является тюремное заключение. В некотором смысле, таким образом, данная запутанная доктрина прецедентов — довольно спорная.

Мне припоминается басня о волке и ягненке.

Ягненок пил из горного ручья, и тут появился волк. Но ягненок был таким беспомощным и беззащитным, что даже волку стало немного стыдно убивать его просто так. Стало быть, он решил найти какой-то повод. «Ты портишь мою воду. Воду, которую я пью», сказал он. «Но, ваше величество, — сказал ягненок, — по-

жалуйста, не гневайтесь на меня, ведь я на 20 шагов ниже по течению, а значит, не могу портить вашу волю». «А я сказал, портишь. И, что еще хуже, в прошлом году ты обзывал меня», — ответил волк. Тогда ягненок молвил: «Но в прошлом году я еще не родился...». На что волк возразил: «Если не ты, так твой брат». «У меня нет братьев». «Значит, это был кто-то из твоих родственников, а кроме того, твои пастухи вечно травят меня собаками. Поэтому, я имею право отомстить». И, не делая больше вид, что стремится к правосудию, волк прыгнул на ягненка и разодрал его на части.

Иными словами, если у нас нет основы для выбора типа применяемых нами санкций, мы возвращаемся к возмездию. Если мы не знаем, в каком объеме применить ту или иную санкцию, мы, опять же, прибегаем к возмездию — под маской пропорциональности наказания. Таким образом, мы прибегаем к символической функции, к одному из способов измерения тяжести преступления и сообщаем обществу и потерпевшим о результатах наших измерений и оценок. Как мы уже видели, именно это решение, приняли авторы Закона об уголовном судопроизводстве от 1991 года, причем упор был сделан на слово «тяжесть», за исключением тех случаев, когда были сделаны отступления от этого принципа во имя защиты общества.

КОМПЕНСАЦИЯ

Несмотря на критику, я думаю, мы, судьи, достаточно добросовестно работаем над уравниванием различных факторов, чтобы обеспечить более или менее адекватные приговоры. Я знаю, что есть отличия между судьями, но в области, которая основана на оценке обстоятельств отдельных дел, я полагаю, это неизбежно, и, кроме того, существует тщательно разработанная процедура для исправления каких-либо серьезных отступлений от правил, при помощи Апелляционного Суда (Отделение уголовного судопроизводства). Однако назначение данного Симпозиума состоит в том, чтобы рассмотреть возможные усовершенствования — и я не настолько самодоволен, чтобы сказать, что не могу себе представить, в каких усовершенствованиях мы можем нуждаться. У меня есть одно серьезное предложение, помимо очевидного вопроса о том, как мы собираемся увеличить адекватность и соответствие приговоров. Профессор Уокер напомнил, что философ Кант считал работу с преступниками «категорическим императивом», но он не объяснил, почему ее нужно проводить по линии карательного подхода (Уокер, 1991: 77). Я сам не понимаю, почему, в принципе, осуждение не могло бы проводиться в форме репарации, а не в виде наказания. Кроме того, репарация может быть пропорциональной преступлению, пусть некоторые и скажут, что это шаг в сторону применения гражданского права, и что репарация должна быть пропорциональной нанесенному ущербу. Если позволите мне еще немного усложнить картину, прибегнув к этимологии вновь, отмечу, что изначально слово «возмездие» происходит от слова «мзда», т. е. имеется в виду, что кто-то платит кому-то за что-то. Мы привыкли к тому, что возмездие — действие, направленное на преступника, к тому, что мы «платим ему той же монетой», но было бы разумнее рассматривать это как действие самого преступника — т.е. преступник платит мзду, чтобы исправить содеянное.

Я вижу тут две проблемы, с которыми нам необходимо справиться. Первая состоит в том, что, если репарация происходит в форме денежной компенсации, часто (даже, я бы сказал, обычно) будет возникать несоответствие того, что жертва должна получить и того, что преступник в состоянии заплатить. Еще один аспект — практический: если очень серьезное преступление требует определенной суммы репарации или определенного объема общественных работ, и потребуются много лет, чтобы это выплатить или отработать, не будет ли это слишком обременительной задачей, в особенности, для юных преступников (не всем, конечно, разделяют мое беспокойство), и будет ли вообще возможно проследить за исполнением работ в течение очень долгого времени? Я надеюсь, что эти и другие вопросы осветит в своем докладе Медиатор.

Сегодня, должен признать, что большинство моих коллег в судебной системе и в магистратах, похоже, не думают о компенсации таким образом. Они рассматривают ее либо в контексте наказания, которое подгоняется пропорционально к его неприятности для преступника, а не в соответствии с пользой для жертвы, либо как нечто меньшее, чем наказание, к чему нужно что-то добавить, чтобы сделать это «настоящим» наказанием (или вообще заменить). Таким образом, как отметил Сотрудник службы поддержки жертв преступления, исследования МВД показали, что магистраты часто налагают штрафы в дополнение к компенсации, даже если это означает, что преступник сможет меньше уплатить жертве. И, конечно же, мы часто сажаем людей в тюрьму, несмотря на то, что знаем, что это лишит их практической возможности выплатить компенсацию или осуществить репарацию, каким-либо образом. Подобным же образом, процент дел, по которым выносятся приговоры о компенсации — и только, всегда был невысок, в особенности, в Королевском Суде.

Действительно, в настоящее время, суд (или, в некоторых странах — прокуратура) может вынести решение о выплате преступником компенсации. Но, поскольку это решение приказного порядка (по крайней мере, в Англии), условия обеспечения выплаты такой компенсации ничем не отличаются от условий

выплаты, к примеру, штрафов, то есть, преступникам, в общем-то не дают возможности продемонстрировать, что они сами делают что-то для исправления ситуации. Жертвы тоже получают безликие чеки без подписи, из суда, обычно, маленькими суммами, через неодинаковые интервалы времени. Пользы от них немного — один чек на большую сумму был бы куда практичнее, а многие жертвы чувствуют, вероятно, что выплаты эти совершаются неохотно. Предлагалось ввести правило одноразовой выплаты компенсации судами в пользу жертвы, после чего суды бы получали эту сумму с преступника небольшими порциями. В конце концов, ведь жертва уже пережила преступление, ради чего ей терпеть дальнейшие неудобства и снова терять что-то, если преступник не сможет или откажется заплатить? Но это еще больше отдаляет преступника от жертвы. Еще один метод, который позволяет устранить эти проблемы, был описан Сотрудником службы поддержки жертв.

Я также хотел бы кое-что сказать об осуждении и порицании. Это слово означает целый комплекс карательных действий, которые должны показать, насколько сильно общество порицает преступление. Мне кажется, что мы можем продемонстрировать это с большей фантазией, да и в некоторых случаях нам это удастся. После раскрытия множества убийств, совершенных Фредом и Розмари Уэст на Кроуель Роуд 25, в Глоучестере, дом был снесен, после совещания с родственниками жертв. На месте дома была разбита аллея с кустарниками, без каких-либо табличек, мемориального парка или скамеек (*The Times*, 2 декабря 1996). Когда тогдашний премьер-министр Джон Мэйджор и лидер оппозиции Тони Блэр посетили спортивный зал в школе, где 16 детей и их учитель были убиты в марте 1996 года Томасом Хэмилтоном, в г. Данблэйн, Шотландия, г-н Мэйджор сказал: «Нужно снести это помещение». После консультаций с родителями погибших, это было сделано, когда школьники были на пасхальных каникулах, а на месте бывшего зала высадили кусты (*The Times*, 16 марта, 5 апреля 1996). В этом случае были и дальнейшие действия: родители начали мощную кампанию «Gun Control Network» (Сеть контроля оружия) для ограничения продажи пистолетов и револьверов. В результате этой кампании была принята Поправка к закону об огнестрельном оружии от 1997 года, которая запретила ношение любого оружия крупнее 22 калибра. (Похожие призывы к контролю оружия звучали и в США, после серии убийств, каждое из которых оборвало жизни нескольких людей, но в Америке лобби противников контроля оружия оказалось сильнее). Люди, виновные в этих ужасных преступлениях, были бы, конечно же, отправлены в тюрьмы или психиатрические больницы строгого режима, если бы они не покончили с собой. Во многих американских штатах их бы приговорили к смертной казни. Но можно найти и другие методы выражения беспокойства и заботы. Осуждение может проходить и в форме мемориальных церемоний, посадки деревьев, переименовании парка или благотворительной организации, в зависимости от пожеланий скорбящих родственников (ООН, 1998: 53-54).

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ УСПЕШНОСТИ РАБОТЫ СУДЕЙ?

В конце концов, я должен признать, что если бы какой-то пытливым исследователь захотел оценить, насколько хорошо я и мои коллеги, имеющие отношение к определению наказаний, работали в отчетном году или если бы — не дай бог — наша зарплата зависела от того, насколько успешно мы работаем (или если бы были введены регулярные оценки для магистратов, учитывая, что в Англии они работают без вознаграждения — с немногими исключениями), было бы сложно понять, какие критерии нужно использовать для такой оценки. Если бы основой такой оценки служила статистика повторных осуждений после отбытия заключения, мы должны были бы испытывать искушение посадить как можно больше людей в тюрьму, если, конечно, не принимать во внимание возможный рост рецидивизма среди преступников, отбывших наказание. Но в этом случае, возможно ли и практично ли оценивать нас на основе решений, которые принимались много лет назад? В любом случае, рецидивизм зависит в столь многом от факторов, которые суды не могут контролировать (жилищные условия, трудоустройство, семейная поддержка...), что судьи посчитали бы такую оценку несправедливой. А, может быть, это побудило бы нас проявить больший интерес к факторам социального и экономического давления, которые действуют на преступников, если бы от их последствий зависело наше собственное материальное вознаграждение или продвижение по службе. Следует ли в качестве критерия принять общую статистику преступности в нашем регионе, учитывая все хорошо известные проблемы статистики в целом и уголовной статистики в частности? В таком случае, будет невозможно провести черту между эффектом от приговоров, вынесенных отдельными судьями, и, опять-таки, результаты будут зависеть от многих факторов, которые ничего не имеют общего с работой судей как людей, определяющих наказание.

Если основой для оценки служит такой аспект приговоров, как общественное осуждение, что, фактически, является первостепенным критерием, то кто может измерить правильность нашей работы? Кому принимать решение — исследователям? Судьям это не понравится! Должно ли решение приниматься на основе исследований общественного мнения? Если да, то должно ли оно зависеть от тех дел, о которых рассказывает пресса? Если да, то это почти наверняка означает, что будут рассматриваться только сенса-

ционные или противоречивые дела. А может быть, в качестве основы следует брать расширенные исследования, в которых людям предоставляется часть информации, которая есть у судей? И уж не должны ли респонденты проходить также краткий курс обучения принципам определения наказания? Остается лишь еще вариант использования мерила, которое часто применяется в оценке программ восстановительного правосудия: нужно определить, стало ли жертве лучше в результате решения суда и справедливо ли поступили с преступником. Преимущество здесь такое: весь процесс, а не только результат будет взят в качестве компонента формулы, а в настоящее время именно различные компоненты процесса являются факторами, вызывающими неудовольствие и обиду. Но это станет причиной дополнительных сложностей, поскольку многие люди, например, полицейские, адвокаты обвинения и защиты, судебные приставы и, с начала 1990-х, сотрудники Службы защиты свидетелей Королевского суда оказывают влияние на чувства участников процесса в отношении того, как ведется дело.

Поэтому мы, судьи, унаследовали систему, которая в последние годы постоянно отлаживалась и которая управляется, в огромном большинстве случаев, прецедентным правом. Если вы начнете анализировать, вы рискуете стать спорщиком «из любви к искусству» и найти сколь угодно много противоречий, как это сделал я, а, возможно, вы посчитаете, что я был несправедлив к себе и к моим коллегам-судьям. Система далека от совершенства, в особенности в том, что касается обязательных минимальных приговоров, которые были введены недавно, но мне приятно, что после апелляции лишь немногие приговоры меняются в ту или иную сторону, и я полагаю, это демонстрирует, что, если мы будем внимательны и осторожны, то сможем уравновесить конфликтующие требования и найдем для каждого преступника место в «тарифной сетке», которое будет разумно соответствовать тяжести его преступления и его индивидуальной ситуации, и в то же время, не будет уж очень сильно отличаться от приговоров по делам о похожих преступлениях.

ФАКТЫ И СТАТИСТИКА

Государственный Служащий

Неравные приговоры

Одно исследование, проведенное в 30 судах на территории Англии, показало, что доля осужденных преступников, которые были отправлены в тюрьмы, варьировалась от трех до 19 процентов. Доля преступников, на которых был наложен штраф, колебалась от 46 до 76 процентов (Тарлинг, 1979: 9). В Западной Мерсии (Мидлендс, Англия), Королевский суд сажает в тюрьму 74 процента преступников, а в Глочестере, на западе страны, только 39%. Средняя продолжительность приговора в графстве Кент составляла 27,9 месяца, в то время как в Стаффордшире — 16,7 месяца (Консорциум по делам пенитенциарной системы, 1997: 9; Организация тюремных реформ (*Prison Reform Trust*), 1997).

На международном уровне, сравнения проводить сложнее, но и тут существуют серьезные вариации. Некоторые из них относятся к разнице в уровнях преступности и эффективности полиции и судов, в особенности, в Англии и Уэльсе, где количество заключенных на 100 тыс. населения выросло с 76 до 120, за период с 1993 по 1998 г.; в Италии это число выросло с 58 до 85 за период с 1991 по 1996; а в Нидерландах такая доля увеличилась втрое и достигла 75 на 100 тысяч населения, с 1980 по 1995 год. На одном конце этой «турнирной таблицы» находятся

Беларусь (1995)	505
Казахстан (1995)	560
США (1996)	615
Россия (1996)	690

Статистика в странах Центральной и Восточной Европы также показывает достаточно высокие цифры, но там наблюдается тенденция к убыванию: например, в Польше, это число сократилось с 170 в 1995 до 149 в 1996, а изменения в законодательстве, которые будут введены в сентябре, должны снизить эти цифры еще больше. На другом конце шкалы находятся такие страны как

Индия (1992)	23
Кипр (1995)	30
Словения (1996)	31
Япония (1992)	36
Бангладеш (1992)	37
Хорватия (1994)	50

(данные: Международная Организация Пенитенциарных Реформ, 1998; Стерн, 1998; 31-2).

Телесные наказания

Их применение судами Англии снизилось с 2079 дел в 1913 году до 130 в 1930. После кратковременного роста после окончания второй мировой войны, это число снизилось до 25 в 1945 году. Исследования давно подкрепляют нежелание магистратов использовать телесные наказания. Результаты исследований, опубликованные в 1920 году, показали, что 76% из 574 мальчиков, которых подвергли порке в двух городах, в течение двух лет были обвинены в новых преступлениях, а 25% из них совершили преступление уже в течение первого месяца. Исследование, проведенное среди мужчин, которых избивали бичом за ограбления с применением насилия в 1921-30, показали, что доля повторно осужденных была следующая (в скобках указан процент людей, не подвергавшихся порке)

Повторно осуждено за совершение тяжких преступлений 55,0% (43,9%);

Повторно осуждено за совершение тяжких насильственных преступлений 10,6% (5,4%);

Министр внутренних дел сообщил, что за девять месяцев до запрещения телесных наказаний, произошло 711 ограблений с применением насилия, а за такой же период после запрещения это число составило лишь 597, т. е. снизилось на 16% (Фрай, 1951: 235). Телесные наказания были отменены в 1948 году; их применение в пенитенциарной системе также снижалось, пока не было официально запрещено в 1967 году.

Сдерживание

Многое было написано о неубедительных результатах сдерживания (резюме приводилось, например, Райтом, 1982: 172-182). Еще один пример неудачной попытки сдерживания посредством минимальных стандартов приговора — Закон об опасных видах оружия от 1968 года, принятый в ЮАР. В нем устанавливалось минимальное наказание — 2 года лишения свободы — за нападения с применением опасного оружия (без смягчающих обстоятельств). Количество таких нападений в 1969 году было 73934, а к 1972 году оно возросло до 85926 (цитата МакКенна, 1978: 426). Конечно, не существует доказательств того, что ужесточение приговоров стало непосредственной причиной такого роста, но, по крайней мере, можно сказать, что эта мера не способствовала предупреждению преступности.

Судья упомянул об идеале достижения стабильной адекватности приговоров, но этот путь всегда был сложным. Американские криминологи Майкл Тонри и Норвал Моррис рассказывают, что 50 судей прошли тест, по условиям которого они должны были предложить приговор для одного и того же дела. Их мнения разошлись — от 3 до 20 лет лишения свободы. В другом примере их приговоры лежали в диапазоне от условного осуждения до семи с половиной лет тюрьмы. Авторы отмечают, что «стандартом можно было считать отсутствие всяких стандартов» (Тонри и Моррис, 1978: 438).

ОБСУЖДЕНИЕ

В. Вы сказали, что широкая публика мало знает о нежелательных побочных эффектах тюремного заключения. Не справедливо ли было бы добавить, что и Апелляционный Суд не обладает таким знанием?

О. Я думаю, дипломатичный ответ на это, который продемонстрировал бы вам, что судьи иногда даже смотрят популярные телешоу, мог бы звучать так: «Вы можете сказать это, но ведь я не могу это прокомментировать!»

В. Все свидетельствует в пользу того, что наиболее закоренелые преступники становятся таковыми в тюрьме. Процент повторных осуждений в особенности высок для юных преступников: не менее 89 процентов для 14 и 15-летних. Таким образом, в отсутствие адекватного лидерского руководства со стороны политиков, не следует ли судам просто уменьшить степень применения такого наказания как тюремное заключение, и объяснить людям, почему это было сделано?

О. Все это прекрасно, но если только Политику не удастся «протолкнуть» свою идею для финансирования Службы пробации, я предвижу, что инспекторы службы пробации будут не в состоянии обеспечивать адекватный надзор и поддержку растущего числа их клиентов, а, кроме того, будет раздута шумиха вокруг повторных преступлений, и сторонники жесткой линии станут кричать, мол, посмотрите, насколько правы мы оказались. Прежде, чем мы сможем сделать что-то в таком духе, я думаю, Службе пробации нужно приложить дополнительные усилия по «продаже» своего имиджа публике, популяризации своей работы и информирования о достигнутых успехах — а ведь их действительно много.

В. Вы сказали, что множество людей совершает преступления, несмотря на то, что все они знают о грозящем им наказании. Есть ли у вас какие-то доказательства этого?

О. Это зависит от типа преступления, конечно. Если преступление совершается импульсивно, у человека просто нет времени подумать. Но исследование, проведенное среди молодых людей в возрасте от 15 до 22 лет, показало, что большинство из них переоценивает вероятность их поимки (Уокер, 1969: 64-65), а исследование, проведенное МВД среди людей, которые воруют машины или вещи из них, продемонстрировало, что они также переоценивают серьезность грозящего им наказания (Лайт и др., 1993). В несколько другом контексте приводились также отчеты о молодых людях, которые хорошо знают о так называемой «добровольной полиции» (самозванных «дружинниках», которые не упускают случая применить насилие) в Северной Ирландии, а в некоторых случаях уже сталкивались с ней (и получали побои). Эти молодые люди, тем не менее, продолжают воровать машины — либо в знак протеста, либо — чтобы разнообразить скучную и мрачную жизнь.

В. Судьи, говорят, ревниво охраняют свою независимость от вмешательства, в особенности, от вмешательства политиков. Говорят также, что они просто выносят приговоры в рамках, установленных Парламентом. Так каким же образом дошло до того, что в 1990-х годах уровень преступности возрос столь сильно — даже если говорить о преступлениях, для которых рамки наказания не изменились? Похоже, что судьи пошли на поводу у правых политиков и таблоидов, и увеличили тяжесть наказания. Вы сами признали, что приговоры часто носят произвольный характер. Безусловно, тот факт, что приговор за определенное преступление может быть на месяцы и годы длиннее сегодня, по сравнению с тем, что было несколько лет назад, является четким свидетельством этого, ведь так?

О. Во-первых, в моем выступлении не говорилось, что каждый приговор в отдельности является произвольным — каждый из них готовится очень тщательно, взвешиваются и приводятся в равновесие многие факторы, как и было сказано. Имелось в виду лишь то, что общий уровень приговоров является произвольным: «тариф» имеет удовлетворительную внутреннюю стабильность, но в системе отсутствует логическая отправная точка. Во-вторых, судьи не должны принимать во внимание того, что говорят политики об отдельных делах, но, поскольку мы действуем от лица народа, мы обязаны принимать во внимание то, что называется общественным мнением, а иначе, мы теряем кредит доверия. Номы противостоят давлению, насколько это возможно, что подтверждает тот факт, что существующее правительство вынуждено было прибегнуть к власти Генерального Прокурора (в Законе об уголовном судопроизводстве от 1988 году), чтобы иметь возможность пересмотра приговора Королевского Суда в Апелляционном Суде в связи с его, якобы, чрезмерной мягкостью. А в Закон о приговорах по уголовным преступлениям от 1997 года было введено обязательное для судей требование, устанавливающее минимальный стандарт наказания в определенных делах. Последний Закон в особенности вызвал серьезное сопротивление со стороны судей высокого ранга, когда он утверждался в Парламенте. В результате этих протестов в него были внесены определенные изменения. И, как я уже говорилось, некоторые судьи, такие как Лорд Главный Судья, лорд Бингэм, открыто выступили против того, чтобы тюремное наказание считалось панацеей (например, он говорил об этом на лекции в Полицейском фонде, Daily Mail, Independent, 11 июля 1997). Судьи также возражали против британской системы, которая поражает европейских юристов, ведь в этой системе политик — Министр внутренних дел — имеет решающее слово в определении условий освобождения преступников, осужденных на пожизненное заключение.

В. Не слишком ли сложно будет контролировать общественные работы и не будут ли юные преступники-рецидивисты просто насмехаться над нами и тем наказанием, которое им придумали?

О. Это зависит от типа работ. Мне кажется, Инспектор службы пробации был прав, когда подчеркнул важность того, как все это подается преступнику и обществу. Исследования показали, что чем больше это напоминает «каторжные работы» тем более неохотно будут отрабатывать преступники (Васс, 1986). Идеальная работа должна быть полезной и предъявлять высокие требования к ее исполнителю. Суть не в том, чтобы она была трудной или приятной (она может быть и трудной и приятной одновременно), а в том, чтобы преступник знал, что он может внести свой вклад, и не стал бы отлынивать от работы.

Закінчення читайте у наступному номері